

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
          Т.Ю. Сидорова
подпись   инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

Внешняя политика Турции в современный период

Руководитель	_____	<u>доцент, к.ю.н</u>	<u>Э.А. Павельева</u>
	подпись, дата	должность, ученая степень	инициалы, фамилия
Выпускник	_____		<u>Э.В. Маркарян</u>
	подпись, дата		инициалы, фамилия

Красноярск 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	10
1.1 Концептуальные основы и внешнеполитические ориентиры Турции в XXI в.	10
1.2 Взаимодействие Турецкой Республики с внешними акторами	19
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	35
2.1 Проблемы реализации внешнеполитической деятельности в условиях современной геополитической турбулентности.....	35
2.2 Перспективы реализации внешней политики Турецкой Республики	50
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На современном этапе наблюдается рост влияния региональных акторов, которые все больше претендуют на укрепление собственной роли в международных отношениях. Одним из таких является Турецкая Республика. Первая светская исламская республика сейчас является важным игроком на международной арене, постоянно увеличивая свой стратегический потенциал, а соответственно, и авторитет в мире. Турция, в последние годы приобрела значительный вес и стремится к утверждению в роли государства с мировым значением. Используя свое выгодное географическое положение, контакты с соседями и партнерами, официальная Анкара постепенно увеличивает свою роль в регионе и стремится занять вакуумное место регионального лидера и в мире, имплементируя собственный внешнеполитический курс, несмотря на критику западных стран, ЕС и США.

Издrevле находясь на перекрестке путей между миром Востока и Запада, Турция претендует на исключительную позицию в отношениях этих регионов между собой, а также в их внутренних процессах и событиях. Универсальное расположение между Европой и Азией делает внешнюю политику Турции одним из ее главных политических вопросов, особенно в области регионального сотрудничества. Факторы, меняющие международную систему, такие как распад СССР, цветные революции и военные действия в восточных странах, перманентная нестабильность Ближнего Востока и пр. приводят к тому, что Турция ведет свою внешнюю политику продуманно и активно, занимая наиболее выгодные для себя позиции.

Актуальность темы исследования также связана с существенным изменением внешнеполитического курса Турции с приходом к власти Партии справедливости и развития. Во внешней политике государства изменились приоритеты, стали более четко сформулированы национальные интересы.

Турция проводит активную региональную политику, взаимодействуя с сопредельными регионами. Произошла диверсификация внешней политики Анкары, что проявляется в попытках отхода от позиции младшего партнера США в регионе, в усилении контактов с Россией. Отношение к России кардинально изменилось в современной Турции, что во многом обусловлено существованием разногласий государств по ряду важных вопросов международной повестки дня и региональной безопасности и в современном турецком политическом дискурсе Россия фигурирует в качестве антагониста Западу.

Таким образом, актуальность темы подчеркивается тем фактом, что Анкара, чувствуя свой политический и экономический потенциал, проводит независимую внешнюю политику, которая направлена, прежде всего, на реализацию собственных национальных интересов и закрепление статуса регионального лидера. Турция постепенно перестает идти в кильватере внешнеполитических планов стран Запада и США, как это было раньше, и одновременно проводит политику, в основе которой лежит содействие стабильности и развитию Ближневосточного региона, что, в свою очередь, неизбежно приведет к еще большему усилению роли Турецкой Республики на мировой политической арене. Соответственно, можно утверждать, что внешняя политика Турецкой Республики приобретает более отчетливый по самостоятельности и активный характер в контексте происходящих изменений на геополитической карте мира.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2002 г. по настоящее время. Нижняя граница обусловлена победой на парламентских выборах Турции Партии справедливости и развития (ПСР), внешнеполитическая линия которой позволила заложить основу для нового независимого внешнеполитического курса страны. Верхняя граница обусловлена современным периодом, когда продолжаются Турции сгладить конфронтацию по ключевым вопросам международной повестки дня и искать возможные точки соприкосновения для сотрудничества с восточными

странами, Россией, постсоветским пространством и Западом. Тем не менее, для выстраивания полноценной картины внешней политики Турции и выявления возможной перспективы, были затронуты события, выходящие за обозначенные хронологические рамки.

Степень научной разработанности темы. Вопросы внешней политики, а также проблематика роли и места современной Турции на международной арене в контексте новых подходов к международным делам нашли свое отражение в различных направлениях, достаточно широко освещенных в отечественных и зарубежных исследовательских кругах. Отдельные аспекты турецкой внешней политики в частности вопросы взаимоотношений с ведущими центрами силы современной международной арены, раскрыты в работах таких исследователей, как: В.А. Аватков, А.С. Абрамян, М.Э. Бостанов, К.В. Вертяев, А.Г. Геворгян, А. Давутоглу, Н. Демирель, А.С. Исаков, Д.Е. Еремеев, Л.С. Вартазарова, И.Я. Кобринская, С.В. Уткин, Н.Г. Киреев, В.А. Надеин-Раевский, В.Н. Панин, Г.Э. Паниев, Ц. Каземирис и др.

Вопросы взаимоотношений Турции с представителями Западного сообщества, в частности – напряженность отношений с США и НАТО, а также неудачная евроинтеграции Турции, отражены в работах таких исследователей, как: А.А. Бгуашева, Н.Н. Бобкин, В.А. Корочкина, И.А. Свистунова, М. Сейфеттин, А.А. Флегентова, П.П. Тимофеев, А.И. Шумилин, П.В. Шлыков, К. Аткас, О. Сакир, О. Дурсун-Озканца, М. Эдисон, Д. Джоунс и др.

Проблематике российско-турецких отношений посвящено большое количество научных трудов, но основной интерес представляют работы, направленные на анализ динамики российско-турецких отношений, что, в частности, приводит к их постоянной трансформации. К числу таких исследований необходимо отнести работы следующих авторов: М.К. Зиганшин, Н.Г. Киреев, А.В. Картунов, Э. Эршен, И.С. Иванов, В. Аватков, А. Солодовникова, А.Г. Дружинин, А. Ермекбаев, Г. Шотанова, Л.

Абжапарова, А. Султанова, Ж.А. Павельева, И. Стародубцев, Р.Н. Шангараев, В.С. Ягья, Д.В. Соломина, С. Кассимерис, В. Волкер, Х. Козебалабан и др.

Объект исследования – внешняя политика Турецкой Республики в постбиполярный период.

Предмет исследования – ключевые векторы и направления внешнеполитического курса Турции в XXI в.

Цель исследования – исследование внешнеполитического курса Турецкой Республики в условиях трансформации и перманентной нестабильности современных международных отношений.

Поставленная цель дает возможность сформулировать следующие **задачи исследования**:

- рассмотреть концептуальные основы и внешнеполитические ориентиры Турции в XXI в.;
- проанализировать особенности взаимодействия Турецкой Республики с внешними акторами (на примере США, ЕС, России);
- выявить проблемы реализации внешнеполитической деятельности в условиях современной нестабильности международных отношений;
- осветить возможные перспективы реализации внешней политики Турецкой Республики.

База исследования может быть подразделена на несколько групп. К первой группе источников относятся нормативно-правовые акты Турции, которые легли в основу внешней политики государства (в том числе официальные документы в области внешнеполитического планирования, концепции по вопросам приоритетов во внешней политике и роли в ней европейского пространства, и государственные стратегии, в отношении зарубежного партнерства в XXI в.)¹.

---

¹ Hedef 2023 Adalet ve Kalkınma Partisi // [Электронный ресурс] URL: <https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/> (дата обращения: 12.01.2021); Turkey's Strategic Vision 2023 Project // [Электронный ресурс] URL: <http://www.tsv2023.org/index.php/en/> (дата обращения: 12.01.2021); 10. Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. 13.07.2010. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf> (дата обращения: 04.01.2021); Dışişleri Bakanlığı

Ко второй группе источников необходимо отнести двусторонние и многосторонние договоры, соглашения Турции с зарубежными партнерами².

В третью группу входят публицистические источники, в числе которых официальные выступления, совместные заявления глав правительств и внешнеполитических ведомств, материалы саммитов и встреч на высшем уровне³.

Методологическая база исследования.

В работе реализованы возможности таких методологических принципов, как например, принцип историзма, что позволило изучить проблему с учетом развития и исторической динамики анализируемых феноменов и процессов. Системный метод позволил рассматривать дипломатический вектор внешней политики Турции и международное сотрудничество с зарубежными партнерами как целостную систему с присущими ей правилами и

Diplomatik Kariyer Memurlarının Görevde Yükselme Usul ve Esasları Hakkında Yönetmelik 7.07.2010. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/Mevzuat/5-kariyer.pdf> (дата обращения: 04.01.2021); Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/IcSite/illeridaresi/Mevzuat/Kanunlar/Anayasa.pdf> (дата обращения: 05.01.2021).

² Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики от 25 мая 1992 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901926138> (дата обращения: 19.01.2021); Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнёрства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой от 7 декабря 2004 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/453582 (дата обращения: 18.01.2021); Совместная декларация о продвижении к новому этапу отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой и дальнейшем углублении дружбы и многопланового партнёрства от 13 февраля 2009 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/172> (дата обращения: 18.01.2021); Agreement creating an association between the European Economic Community and Turkey 12 September 1963. // [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:f8e2f9f4-75c8-4f62-ae3f-b86ca5842eee.0008.02/DOC_2&format=PDF (дата обращения: 01.02.2021); 4. Agreement between the European Union and the Republic of Turkey on the readmission of persons residing without authorisation of 16 December 2013. // [Электронный ресурс] URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0507\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0507(01)&from=EN) (дата обращения: 01.02.2021); Decision No 1/95 of the EC-Turkey Association Council of 22 December 1995 on implementing the final phase of the Customs Union // [Электронный ресурс] URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21996D0213\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21996D0213(01)&from=EN) (дата обращения: 01.02.2021)

³ Remarks by President Charles Michel after the video conference of the members of the European Council on 29 October 2020. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/30/remarks-by-president-charles-michel-after-the-video-conference-of-the-members-of-the-european-council-on-29-october-2020/> (дата обращения: 03.02.2021); Sebastian Kurz: „Wir würden Erdogans Einmischung keinesfalls akzeptieren“ // Welt. 20.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus167824072/Wir-wuerden-Erdogans-Einmischungen-keinesfalls-akzeptieren.html> (дата обращения: 10.02.2021); EU's relationship with Turkey has reached «watershed moment» says foreign policy chief Borrell. // Intelli News. September 15, 2020. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.intellinews.com/eu-s-relationship-with-turkey-has-reached-watershed-moment-saysforeign-policy-chief-borrell-191990/> (дата обращения: 03.01.2021); Dr Rouhani in a phone call with his Turkish counterpart: Iran-Turkey ties should be promoted to strategic level in all fields/Faster implementation of using national currency in business transactions // [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.ir/en/102822> (дата обращения: 11.02.2021).

специфическими правовыми механизмами, формирующимися в контексте становления Турции, как самостоятельного актора. Для накопления эмпирического материала были реализованы возможности методов: наблюдения, сравнения и ситуационного анализа. Для интерпретации полученных данных и выявления закономерностей был привлечен метод ивент-анализа (методика анализа событий), который базируется на исследовании динамики событий на международной арене, в том числе и на пространстве европейского, Ближневосточного регионов, в целях выявления ключевых тенденций развития, наряду с перспективами и формулировкой возможных прогнозов и рекомендаций по теме работы.

Структура работы обусловлена поставленными во введении целью и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1.1 Концептуальные основы и внешнеполитические ориентиры Турции в XXI в.

Анализируя концептуальные основы, а также стратегические направления деятельности Турецкой Республики в пределах современного геополитического пространства, в первую очередь необходимо отметить, что внешнеполитический курс Турции на сегодняшний день увязывается отдельными представителями научно-исследовательского сообщества с идеями и принципами, сформированными М. Ататюрком. В своем обобщенном виде данные подходы уместно выразить в виде следующей т.н. «формулы» – республиканизм, участие государства в экономической жизни, дополняемые идеями унитаризма, светскости, народности и революционности⁴. Следует отметить, что по мере трансформации геополитической карты мира, равно как и по мере появления новых центров принятия стратегических решений на региональном уровне (включая и Турцию, цели которой заключаются в укреплении позиций государства как регионального лидера, оказывающего влияние и координирующего все процессы политического, социального, гуманитарного, экономического взаимодействия на региональном уровне), данные принципы также несколько трансформировались. К примеру, в контексте смещения акцента с принципов революционности на созерцательное укрепление позиций власти, стабилизацию политической жизни в Турции, создание механизмов качественного взаимодействия с турецким обществом и другими государствами региона. Другим аспектом, повлиявшим на трансформацию (дополнение) приоритетов государства, являлась попытка укрепления отношений с государствами Запада, что выражалось в идее реализации прозападного курса государства, ориентированности на присоединение к

---

⁴ Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. – М.: Наука, 1991. С. 28.

Европейскому Союзу, интеграцию государства в НАТО, сотрудничество с США – главным образом, с целью привлечения инвестиций в турецкую экономику, сотрудничества в военной сфере (укрепление военного потенциала Турции), а также обеспечения выхода турецких товаров на перспективные рынки сбыта в западных государствах⁵.

Как результат, по мере развития турецкого государства, были сформированы гармоничные условия, позволяющие осуществлять государству политику, связанную с двумя разными концептуальными течениями – иными словами, начиная со второй половины XX в., Турция шла по пути интеграции демократических принципов и ценностей Запада, в архитектуру мировоззрения Востока (исламские ценности), что и позволяло, за счет соблюдения баланса между западными и восточными ценностями, осуществлять эффективную внешнюю политику государству и последовательно укреплять роль Турецкой Республики как на региональном, так и на глобальном уровне, создавая своеобразный симбиоз между давними культурными традициями, мировоззрением, интересами общества, и экономическими, стратегическими интересами государства на региональном и глобальном уровне⁶. В своей практической плоскости, данный подход способствовал гармоничному развитию отношений с США и государствами ЕС, и позволял сохранить позиции Турции в отношениях с другими государствами на региональном уровне. Тем не менее, по мере активизации геополитических изменений (распад Советского Союза, окончание «холодной войны», повышение конфликтности на Ближнем Востоке, сложности с реальным присоединением Турции к ЕС), в Турции, на уровне гражданского общества и политических элит укрепились позиции критиков прозападного курса государства, что привело Турцию к необходимости

---

⁵ Сулейманов А. Центры стратегических исследований внешней политики Турции // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 6. С. 120.

⁶ Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции // в кн.: Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. / Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. С. 82.

поиска новых союзников в других регионах мира (РФ, КНР), но без реального отхода от западного курса⁷.

В своей практической плоскости, указанные изменения были отражены в победе на парламентских выборах 2002 г., Партии справедливости и развития, возглавляемой Р. Эрдоганом, использующего в своей политической риторике тезисы о необходимости пересмотра политических ориентиров Турции – как на общественном, так и на внутривластном, внешнеполитическом уровне⁸. Тем не менее, важно отметить, что указанные тезисы не содержали в себе призывов, связанных с полной заморозкой отношений с государствами Запада, и США, равно как и ЕС, оставались одним из ключевых и приоритетных направлений развития Турции, тогда как деятельность, связанная с вступлением в ЕС, позиционировалась в качестве магистрального направления деятельности Турции в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе⁹ (интеграция европейских стандартов ведения политики, концепции повышения качества уровня жизни, открытость государства, осуществление экономических реформ, реформ в судебной сфере, учет интересов ЕС в политике Турции, разработка планов дальнейшего взаимодействия Турции и ЕС).

Следует отметить, что данный подход также критиковался отдельными представителями турецкого общества и политикума – в данном случае, аргументом критиков выступал акцент на том обстоятельстве, что США и ЕС используют Турцию для защиты своих интересов в регионе, а также используют государство для обеспечения поставок сырья, и позиционируют государство преимущественно в качестве транзитера энергетических ресурсов, поставщика дешевой рабочей силы, военной силы, поставщика товаров по сниженным ценам, но при этом не заинтересовано в том, чтобы

---

⁷ Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 2. С. 87.

⁸ Панин В.Н., Паниев Г.Э. Геополитические ориентиры Турции в начале XXI века // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2002. – № 1. С. 86.

⁹ Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития // в кн.: Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. / Под. ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 13.

Турция стала полноправным членом Европейского Союза, что приводило к формированию новых условий для государства, касающихся приема в ЕС, а также постоянных переносах переговорного процесса¹⁰. В данных условиях, в турецком обществе укреплялось понимание, что реальное присоединение Турции в ЕС не видится достижимой в обозримой перспективе целью, и что по мере выполнения взятых на себя обязательств, ЕС будет постоянно выставлять новые требования для вступления, что не соответствует интересам турецкого государства. В свою очередь, по мере укрепления скептицизма в отношении присоединения Турции к ЕС, наблюдалось снижение желания Турции относительно выполнения новых обязательств, тогда как попытка государственного военного переворота в июле 2016 г., лишь актуализировала критику политики Запада и привела к росту антиамериканской и антиевропейской риторики, укрепив процессы исламизации турецкого общества¹¹.

Уместным видится допустить, что попытка европеизации и демократизации Турции, попытка навесить на Турцию новые внешнеполитические обязательства при откладывании реального процесса по присоединению Турции в ЕС, привела к повышению уровня консервативности и исламизации общества, а также обусловила рост националистических настроений в Турции. Тем не менее, в существующих условиях Турция продолжает реализовывать внешнюю политику, основываясь на принципах многовекторного сотрудничества, сохраняет свои позиции в рамках НАТО, но также развивает отношения и с другими центрами принятия стратегических решений – главным образом, с КНР и РФ.

С целью обеспечения высокой эффективности реализации внешнеполитического курса турецкого государства, внешнеполитическая деятельность базируется как на наличии развитой нормативно-правовой базы, так и на работе компетентных законодательных и исполнительных

---

¹⁰ Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. С. 125.

¹¹ Perinçek D. FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları. – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. P. 15.

органов, а также вспомогательных государственных структур. Так, ключевым документом, регулирующим внешнеполитическую деятельность Турции, является Конституция Турецкой Республики, принятая в 1982 г.¹². Тем не менее, по нашему мнению, с момента принятия данного документа на геополитическом пространстве произошел ряд достаточно серьезных изменений, которые прямо повлияли на смену внешнеполитических приоритетов Турции и обусловили необходимость отражения изменений внешнеполитических ориентиров Турции на современном этапе (расширение полномочий отдельных государственных органов и т.п.). С другой стороны в содержательной части Конституции Турции отмечены полномочия, которыми наделены государственные структуры, политическое руководство государства и которые связаны с обеспечением и реализацией внешнеполитической деятельности – к примеру, в ст. 104 Конституции Турции отмечено, что Президент Турецкой Республики обладает правом ратифицировать международные соглашения, а также обладает правом вынесения решения о применении ВС Турции, либо отправке представителей государства в другие страны.

Другим органом, на который возложена функция реализации внешнеполитической деятельности государства является Совет Министров, заседания которого также проходят под председательством Президента Турции. В компетенцию данного органа входят такие аспекты как объявление чрезвычайного положения, объявление военного положения, вынесение решения о мобилизации. Стоит отметить, что данный орган также обладает и представительской функцией, что позволит участвовать турецким министрам в международных саммитах, конференциях, встречах, работе специальных рабочих групп, а также позволяет представлять государство в рамках специализированных международных структур. Тем не менее, важно учитывать, что одновременно с Советом Министров осуществляет свою

---

¹² Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/IcSite/illeridaresi/Mevzuat/Kanunlar/Anayasa.pdf> (дата обращения: 05.01.2021)

деятельность Совет национальной безопасности, в состав которого входят отдельными министрами, начальники отдельных видов ВС Турции, а также начальник генерального штаба. В функции данного органа также входят вопросы обеспечения национальной безопасности, предотвращения конфликтных ситуаций, осуществление взаимодействия с военными структурами и т.п. В данных условиях также важно отметить, что существенное расширение полномочий Президента Турции было осуществлено по итогам референдума 2017 г., о внесении поправок в Конституцию Турецкой Республики, в результате чего Президент Турции также обладает правом объявления чрезвычайного положения, может издавать указы (включая сферу внешнеполитической деятельности), без одобрения Парламента Турции, а также может осуществлять реформы в рамках отдельных ведомств¹³.

Следует отметить, что приведенный список структур и уполномоченных лиц не является исчерпывающим – так, одной из стратегических структур, на которую возложены функции осуществления внешнеполитической деятельности, является МИД Турецкой Республики (в структуру данной организации входит свыше 30 отделов, ведомств и департаментов), осуществляющее свою работу на основе Закона Турции №6004, «О задачах Министерства иностранных дел Турецкой Республики»¹⁴, Постановления «О процедурах и принципах повышения на посту дипломатических служащих Министерства иностранных дел»¹⁵. Так, на МИД Турции возложены такие задачи как поддержка формирования и укрепления на региональном и глобальном уровне условий, способствующих гармоничной и эффективной реализации внешнеполитической деятельности Турции, создание условий для мирного взаимодействия Турции с другими

---

¹³ Турция меняет Конституцию: итоги референдума // РБК. 16 апреля 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2017/58f3875c9a79473b9a237502> (дата обращения: 04.01.2021)

¹⁴ Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. 13.07.2010. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf> (дата обращения: 04.01.2021)

¹⁵ Dışişleri Bakanlığı Diplomatik Kariyer Memurlarının Görevde Yükselme Usul ve Esasları Hakkında Yönetmelik 7.07.2010. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/Mevzuat/5-kariyer.pdf> (дата обращения: 04.01.2021)

государствами международными структурами, создание условия для укрепления принципов справедливости, международных принципов и содействия стабильному и прогнозируемому экономическому и внешнеполитическому развитию. Как результат, указанные направления также выступают стратегическими приоритетами внешнеполитической деятельности Турции на современном этапе. Дополняется данный подход политической риторикой со стороны правительства Турции, указывающего, что текущее положение Турции позволяет государству стать полноценным игроком, который способен влиять, регулировать и координировать как ключевые (политические, социальные, экономические), региональные и международные процессы, базируясь на принципах осуществления международных отношений, международных нормах права, интересах турецкого и международного сообщества, что способствует качественному укреплению позиций турецкого государства как одного из ключевых региональных центров принятия стратегических решений¹⁶.

Следует отметить, что указанный подход также отражен и в официальной позиции МИД Турции, и выражается в акценте на том, что современная дипломатия Турции базируется на традициях и дипломатических установках, сформированных в рамках Османской империи, историческом влиянии и ответственности Турции за весь регион¹⁷.

Важным документом, регулирующим внешнеполитическую деятельность Турции, является т.н. «Красная Книга», принимаемая Советом Безопасности Турции каждые 5 лет. В содержательной части данного документа отражена концепция национальной безопасности, определяются военные и стратегические приоритеты государства, а также проводится анализ международных отношений и международной обстановки с точки зрения влияния отдельных аспектов на безопасность Турции (выявление

---

¹⁶ Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.04. – М., 2020. С. 84.

¹⁷ Бостанов М.Э. Современная внешняя политика Турции в условиях глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. С. 275.

потенциальных угроз регионального и глобального масштаба). В частности, в последней вариации данного документа 2019 г. усилилось восприятие угрозы с севера Сирии, и было обращено внимание на внешнюю поддержку, оказываемую различным структурам в регионе¹⁸.

Также важными документами являются такие стратегии как «Ноль проблем с соседями» (2008 г.), в рамках которой отражены принципы осуществления миролюбивой политики в отношении международного сообщества, а также отражена нацеленность на укрепление отношений с государствами на региональном и глобальном уровне, акцент на необходимость осуществления дипломатического взаимодействия, при отказе от военного решения проблем, а также нацеленность на укрепление позиций турецкого государства в ключевых международных структурах. В рамках концепции безопасность государства достигается за счет мирного и дипломатического урегулирования существующих споров, и отказе восприятия внешнеполитических конфликтов в качестве стратегических для Турции угроз¹⁹.

Подобные мысли в свою очередь, отражены в монографии А. Давутоглу «Стратегическая глубина», в рамках которой Турция позиционируется и как европейская, и как азиатская, ближневосточная, Средиземноморская страна, что предполагает формирование универсальных приоритетов в процессе внешнеполитического развития государства²⁰. Также отмечена важность осуществления качественной внешнеполитической деятельности турецкого государства с целью укрепления стратегических позиций Турции в современных международных отношениях, дополняемая необходимостью интеграции инструментов «мягкой силы», в процессы осуществления внешнеполитической деятельности турецкого государства.

---

¹⁸ "Kırmızı Kitap" olarak anılan Milli Güvenlik Siyaset Belgesi yenilendi: 'Suriye'nin kuzeyinden gelen tehdit' vurgulandı // Haberler. 02.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haberler.com/milli-guvenlik-siyaset-belgesi-yenilendi-suriye-12485642-haberi/> (дата обращения: 09.01.2021).

¹⁹ Davutoglu A. Turkey's Zero-Problems. // Foreign Policy. 20.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (дата обращения: 11.01.2021).

²⁰ Davutoglu A. The Strategic Depth. – Arab Scientific Publishers, 2010. S. 4.

Отметим, что внешнеполитический дискурс в программе нового правительства ПСР строго повторяет внешнеполитическое видение А. Давутоглу, о чем можно говорить, исходя из анализа партийной программы²¹. Реализация данной политики, проявляясь в позиционировании Турции в качестве посредника для регулирования конфликтов между Сирией и Израилем (Голанские высоты, обеспечение безопасности Палестины), участии Турции в переговорном процессе по иранской ядерной программе, активизации действий Турции и РФ в контексте противодействия международному терроризму на Ближнем Востоке, что выступает в качестве приоритетного направления в системе последовательного осуществления внешней политики Турции на современном этапе. Также реализация внешней политики Турции предполагает интеграцию идей неосманизма в внешнеполитическую деятельность Турции, что предполагает укрепление позиций Турции на Балканах, ЦА, Северной Африке, Ближнем Востоке и Закавказье, за счет выработки, для каждого направления собственной дипломатической стратегии, способствующей укреплению турецкого влияния на региональном уровне.

Формирование внешнеполитической деятельности также отражено в таких документах как «Политическое видение 2023»²², и «Цели 2023»²³, в рамках которых отражены такие ориентиры как укрепление позиций турецкого государства на региональном и глобальном уровне, механизмы обеспечения стабильности власти, механизмы противодействия внешним угрозам, а также отражена региональная и глобальная стратегия взаимодействия Турции с ключевыми государствами мира – США, РФ, КНР, государствами Европейского Союза – в политической, экономической, культурной, гуманитарной, военной, интеграционной сфере.

---

²¹ Cumhurbaşkanlığı Seçimleri ve Genel Seçimler Seçim Beyannameşi 2018 // [Электронный ресурс] URL: https://www.trthaber.com/pdf/Beyanname23Mays18_icSayfalar.pdf (дата обращения: 06.01.2021)

²² Turkey's Strategic Vision 2023 Project // [Электронный ресурс] URL: <http://www.tsv2023.org/index.php/en/> (дата обращения: 12.01.2021)

²³ Hedef 2023 Adalet ve Kalkınma Partisi // [Электронный ресурс] URL: <https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/> (дата обращения: 12.01.2021)

Отдельно стоит отметить, что осуществление внешнеполитической деятельности (в контексте разработки положений отдельных стратегий, концептуальная проработка документов), отводится также аффилированным с государством, акторам – специальным аналитическим центрам (разработка внешнеполитических концепций, научно-аналитические работы, проведение экспертных заседаний, конференций, обсуждение дальнейших аспектов осуществления внешнеполитической деятельности). Примерами данных структур является Центр стратегических исследований (при поддержке МИД Турции), Центр международных отношений и стратегического анализа, Центр Стратегических Исследований Мудрецов (разработка прогнозов развития геополитической ситуации), Центр стратегических исследований тюркской Азии, Центр экономических и социальных исследований, Институт внешней политики. Также стоит отметить деятельность некоммерческих организаций – Фонда защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи, некоммерческого товарищества «Разве больше никого нет?»²⁴, Ассоциацию солидарности, некоммерческое товарищество «Маяк»²⁵, которые работают как в Турции, так и имеют филиалы в Ливии, Йемене, Индонезии, Сирии (помощь беженцам, благотворительность, гуманитарная помощь, религиозное просвещение), что дополняется работой культурных центров (реализация мягкой силы Турции – ТЮРКСОЙ, ТІКА, Советом сотрудничества тюркоязычных государств, культурные центры имени Юнуса Эмре и т.п.). Указанные структуры, равно как и существующая нормативно-правовая база, способствует реализации Турцией внешнеполитических приоритетов на современном этапе развития.

1.2 Взаимодействие Турецкой Республики с внешними акторами

---

²⁴ Kimse Yok Mu Derneği'nin yardım toplama yetkisi kaldırıldı. Hürriyet Gündem Haberleri. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/kimse-yok-mu-derneginin-yardim-toplama-yetkisikaldirildi-27314395> (дата обращения: 13.01.2021)

²⁵ Deniz Feneri Derneği. Yüzyılın İyilik Hareketi. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.denizfeneri.org.tr/faaliyetler/> (дата обращения: 13.01.2021)

Анализируя взаимодействие Турции с ключевыми центрами принятия стратегических решений (США, ЕС, РФ, взаимодействие с НАТО), в первую очередь необходимо отметить, что часть данных государств, как уже было выявлено ранее, долгое время воспринималось и продолжает восприниматься политическим руководством Турции в качестве ключевых ориентиров осуществления внешнеполитической деятельности. Тем не менее, синхронное игнорирование со стороны ЕС интересов Турции, а также перманентное появление новых требований для вступления в ЕС, привели к росту скептических настроений относительно прозападного курса Турции, хотя целиком и полностью руководство страны, учитывая количество вложенных политических и финансовых ресурсов, от данного ориентира не отказалось.

Необходимо отметить, что на современном этапе, отношения между Турцией и США (в период президентства Д. Трампа, тогда как после прихода к власти Дж. Байдена речь может идти лишь о возможной переоценке политики государств в отношении друг друга, но в силу малых сроков нахождения Дж. Байдена у власти, тезис о кардинальном пересмотре политики по состоянию на конец января 2021 г., выглядит преждевременным), сохраняют, обостренный характер, что связано с одной стороны, с деструктивными тенденциями и недоверием государств друг к другу, а с другой стороны, связано с необходимостью двух государств взаимодействия для урегулирования глобальных проблем и катаклизмов – как в контексте обеспечения безопасности, так и в контексте противодействия терроризму, экстремизму на Ближнем Востоке²⁶. Как результат, даже учитывая длительный характер союзных связей между Турцией и США в рамках НАТО, в США, по оценкам исследователей, существуют опасения за сохранение стабильных отношений (и, как результат, целостности НАТО), в среднесрочной и долгосрочной

---

²⁶ Современная Турция: тренды развития и значение для России. / Под ред. Л.С. Варгазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 26-27.

перспективе, в результате чего отношения между двумя государствами могут позиционироваться как отношения с высоким уровнем напряженности, истоки которой носят стратегический и системный характер, по причине разных приоритетов государств на Ближнем Востоке – так, позиция Турции сводится к укреплению своего монопольного влияния, а также противодействию курдам, тогда как США воспринимают Турцию как инструмент обеспечения собственного влияния в указанном регионе.

Видится важным наличие и других политических процессов, и факторов, оказывающих негативное влияние на отношения Турции и США, к которым следует отнести следующие элементы:

1. Рост негативных факторов в отношениях двух государств, связан с пребыванием обвиняемого в пособничестве в попытке военного переворота в Турции в 2016 г., Ф. Гюлена на территории США и игнорировании со стороны США просьб турецкой стороны об экстрадиции данного лица в Турцию. В свою очередь, отказ США в экстрадиции связан с трансформацией турецкой политической системы (высокая централизация власти, укрепление роли президента, риск подавления оппозиционных сил, формирование антагонистической роли Ф. Гюлена и восприятие возможной экстрадиции для расправы над политическим оппонентом)²⁷. Отказ США в экстрадиции привел к аресту граждан США на территории Турции, что, по нашему мнению, позиционируется как политический шаг, указывающий на наличие серьезных противоречий в отношениях двух государств (также стоит отметить, что Р. Эрдоган не исключал, что попытка переворота 2016 г., могла осуществляться при поддержке стран Запада, или, как минимум, при наличии у западных спецслужб информации о готовящемся перевороте и не предоставлении данной информации турецкой стороне, что также повлияло на охлаждение отношений между Турцией и США, ЕС)²⁸;

---

²⁷ Бобкин Н.Н. Кризис стратегического партнерства США и Турции: от недоверия к противостоянию // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2018. – № 7. С. 39-40.

²⁸ Edison M. Turkey Formally Requests Extradition of Cleric Gulen from US // ABC News, 13.09.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://abcnews.go.com/International/turkey-formally-requests-extraditioncleric-gulen-us/story?id=42052108> (дата обращения: 15.01.2021)

2. Наличие сложных внутривостанитических процессов в Турции, которые привели к усилению политического давления США на официальную Анкару – к данным проблемам относятся такие «традиционные вопросы» (традиционность заключается в том, что они поднимаются как в отношениях с Турцией, так и с другими геополитическими конкурентами США – Китаем, РФ, Индией), как соблюдение прав человека, проблемы с верховенством закона, обвинения в подавлении оппозиции, игнорировании проблем с коррупцией, а также негативном отношении Турции к курдском населению. Результатом данных обвинений стало введение против Турции точечных санкций (август 2018 г.), в отношении министров юстиции и МВД Турции (на основе «Глобального закона Магницкого»)²⁹. Также риторика о необходимости укрепления санкционного давления связана с производными политическими вопросами – к примеру, в рамках признания геноцида армян в Османской империи со стороны федеральной власти США, введением запрета на въезд отдельным турецким официальным лицам в США, а также попытках заблокировать предоставление Турции кредитов через Мировой банк и ЕБРР (кроме оказания гуманитарной помощи);

3. Наличие разных стратегических приоритетов – так, подход Турции заключается на попытке Турции диверсифицировать сотрудничество с государствами региона (что соотносится с идеями пантюркизма, исламизма), однако данный подход противоречит интересам США, т.к. направлен на ослабление их позиций в регионе³⁰. Также следует отметить разные подходы Турции и США к отношениям с РФ, Ираном, Катаром, курдам, разным подходам к сотрудничеству с государствами ЕС, разном восприятии роли Израиля в регионе, разном восприятии факта сотрудничества Турции с Китаем и т.п.

---

²⁹ Treasury Sanctions Turkish Officials with Leading Roles in Unjust Detention of U.S. Pastor Andrew Brunson. U.S. Department of the Treasury, 01.06.2018. // [Электронный ресурс] URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm453> (дата обращения: 15.01.2021)

³⁰ Бгуашева А.А. Турецко-американские отношения (2009 – 2019 гг.) // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 2. С. 68.

4. Вопросы, связанные с разными военно-стратегическими приоритетами двух государств – одним из ключевых вопросов в данной плоскости является закупка Турцией зенитных комплексов С-400 «Триумф», у Российской Федерации, что привело к критике действий Турции как члена НАТО со стороны США³¹. В данном случае, действия США были связаны с механизмом закона «О санкционном противодействии противникам США»³², угрозе санкций со стороны США и стран НАТО в отношении Турции, в отношении турецких лиц, сотрудничающих с РФ, а также рассмотрением со стороны Конгресса США возможности ограничений на поставки в Турцию военных бомбардировщиков американского производства (тем не менее, Турция принимает участие в производстве данных бомбардировщиков для нужд НАТО, что сделало невозможным использование данного рычага влияния). Также к вопросам военно-стратегического характера необходимо отнести факт сотрудничества США с курдскими военными формированиями в Сирии, с учетом того, что в Турции курдские военные формирования позиционируются в качестве террористических группировок, а их поддержка со стороны США, по сути, лишь повышает уровень напряженности в отношениях двух государств³³;

5. Критика со стороны США отношений Турции и Ирана в контексте т.н. «антииранского санкционного режима», что привело к заявлениям со стороны США о возможности распространения санкций на турецкую экономику (санкции в отношении турецких банков, работающих с Ираном);

6. Расхождения государств в рамках НАТО – так, после окончания «холодной войны», подход Турции заключался в идентификации НАТО в качестве института обеспечения безопасности государств Запада, тогда как

---

³¹ Khan B. Turkish Government Invites Bids for F-35 System Integration Contract. // Quwa Defense News and Analysis Group, 10.01.2018. // [Электронный ресурс] URL: <https://quwa.org/2018/01/10/turkish-government-invites-bids-for-f-35-systemintegration-contract/> (дата обращения: 27.01.2021)

³² P.L. 115-44 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Sec. 231, August 2, 2017. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/housebill/3364/text> (дата обращения: 27.01.2021)

³³ Erdogan, Trump emphasize importance of Manbij roadmap: Turkish presidency. // Reuters, July 16, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-us-manbij/erdogan-trump-emphasize-importance-of-manbij-roadmap-turkish-presidency-idUSKBN1K61EV> (дата обращения: 28.01.2021)

по логике США НАТО нуждалось в серьезном обновлении и расширением «зоны ответственности альянса», что делало НАТО, равно как и государства НАТО, инструментом внешнеполитического влияния США на глобальном уровне, инструментом обеспечения глобального доминирования США³⁴. Данный подход также встретил критику со стороны Турции, что дополнялось разным восприятием проблем международной безопасности со стороны США и Турции (к примеру, разное восприятие курдского населения, разное восприятие государствами отношений с Израилем, Ираном, Китае). Как результат, потенциал разногласий между двумя государствами также увеличивается, что затрагивает вопросы обеспечения безопасности на Ближнем Востоке.

Тем не менее, полагаем, что у Турции и НАТО на текущий момент существует множество точек соприкосновения, что связано с потребностями государств в консолидированной работе с целью обеспечения глобальной безопасности (противодействие терроризму, экстремизму, проведение совместных операций, разработка систем противоракетной защиты и т.п.), и отраженные выше проблемы не видятся неразрешимыми, и лишь указывают на наличие геостратегической конкуренции между двумя государствами.

Также видится невозможным факт игнорирования интересов Турции в рамках НАТО по причине высокого (вторая после США численность турецкого контингента в рамках НАТО), человеческого, технического и финансового вклада Турции в деятельность и эффективность альянса. Данные шаги проявляются, к примеру, в контексте реализацией Турцией в 2021 г. Проекта по комплектовании новой бригады сверхвысокой боевой готовности (5 тыс., военнослужащих в составе сил быстрого реагирования, что составляет 12.5% от общей численности контингента)³⁵. Как отмечено в заявлении НАТО: «Турция вложила значительные средства в подразделение

---

³⁴ Çakır O.D., Chasnouski M.E. Turkey in NATO: an extraordinary position // Журнал Белорусского государственного университета. -2020. – № 2. С. 65.

³⁵ Fiorenza N. Turkey leads NATO VJTF in 2021 // Janes. 6 January 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/turkey-leads-nato-vjtf-in-2021> (дата обращения: 30.01.2021)

– одно из самых мобильных в НАТО – особенно в планирование материально-технического обеспечения и боеприпасов»³⁶. Также в 2018 г., Р. Эрдоган поддержал инициативу НАТО по созданию новых тактических сил (свыше 8 бригад), 30 тактических авиаэскадрилий, а также 30 объектов ВМФ (вошли в состав сил НАТО в начале 2021 г.)³⁷. К тому же Турция неоднократно выступала инициатором развертывания нового командования НАТО для защиты южных границ, что в целом указывает на высокий вклад Турции в деятельность НАТО, несмотря на ситуативные противоречия между Турцией и США, что указывает на практическую заинтересованность сторон в сотрудничестве³⁸.

С другой стороны, данные шаги не обуславливают снижение критики действий Турции (сотрудничество с РФ и КНР в военно-технической сфере, сотрудничество с Ираном в контексте урегулирования сирийского кризиса), что позволяет сделать предположение о необходимости решения данных проблем в дальнейшем, что позволит минимизировать риск выхода Турции из НАТО в среднесрочной либо долгосрочной перспективе, по причине противоречий с США. В данном случае, также уместным видится допущение, что своеобразная перезагрузка отношений между двумя государствами может быть связана с действиями Дж. Байдена на посту Президента США (пересмотр отношений в дальнейшем), что приведет к гармонизации отношений как на двустороннем уровне, так и в рамках НАТО.

Применимо к отношениям Турции и ЕС необходимо отметить, что со стратегической точки зрения, ЕС идентифицировал роль Турции в качестве посредника между ЕС и государствами Востока, а также инструмента реализации европейских интересов в регионе. Как результат, роль Турции может быть идентифицирована в качестве важного партнера ЕС в

---

³⁶ Turkey takes charge of NATO high readiness force // NATO. 1 January 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 30.01.2021)

³⁷ Erdogan attends NATO summit in Brussels // TRTWorld. 11 July 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.trtworld.com/turkey/erdogan-attends-nato-summit-in-brussels-18840> (дата обращения: 30.01.2021)

³⁸ Turkey Prepares for More Roles in NATO // Atlantic Council. July 11, 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/turkey-prepares-for-more-roles-in-nato> (дата обращения: 31.01.2021)

обеспечении геополитических интересов Сообщества в Азии, на Ближнем Востоке, в контексте политических, социальных, экономических и военных интересов.

Тем не менее, между ЕС и Турцией существуют, как уже было отмечено ранее, концептуальные расхождения по ключевым вопросам взаимодействия – несмотря на то, что между ЕЭС и Турцией было подписано Соглашение об Ассоциации в 1963 г.³⁹ (создание таможенного союза, в перспективе – членство в ЕС, создание правовых рамок для взаимодействия между Турцией и ЕС, наличие стабильных политических, экономических, социальных связей между государствами Европы и Турцией, работа над стабилизацией миграционной ситуации в ЕС по итогам арабской весны). Тем не менее, ЕС регулярно откладывает рассмотрение вопроса о принятии Турции в ЕС, и ограничивается формированием новых условий для вступления (в юридической плоскости, в 1995 г., между ЕС и Турцией было подписано Соглашение «О таможенном союзе с Турцией»)⁴⁰, а в 1999 г., Турция получила статус страны-кандидата в члены ЕС, однако логического развития – принятия Турции в ЕС, не произошло по причине регулярного откладывания переговорного процесса по традиционным причинам – проблемам с правами человека, демократическими ценностями в Турции, и т.д., и т.п.).

Данная ситуация, в свою очередь, приводит к росту недоверия в отношениях, учитывая, что Турция активно осуществляла необходимые для вступления реформы (отмена смертной казни, отмена ограничений на базовые свободы человека, защита культурных прав меньшинств). Тем не менее, по мере появления новых требований, турецкая сторона проявляла меньше политической активности по их внедрению, что привело в 2006 г. к

---

³⁹ Agreement creating an association between the European Economic Community and Turkey 12 September 1963. // [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:f8e2f9f4-75c8-4f62-ae3f-b86ca5842eee.0008.02/DOC_2&format=PDF (дата обращения: 01.02.2021)

⁴⁰ Decision No 1/95 of the EC-Turkey Association Council of 22 December 1995 on implementing the final phase of the Customs Union // [Электронный ресурс] URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21996D0213\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21996D0213(01)&from=EN) (дата обращения: 01.02.2021)

решению, по инициативе ЕС, об отмене открытия новых переговорных глав о вступлении Турции в ЕС до выполнения Турцией всех своих обязательств⁴¹. В дальнейшем, в 2013 г., между сторонами было заключено Соглашение «О реадмисии» (с запуском диалога о визовой либерализации)⁴². Также были достигнуты и договоренности о модернизации ТС и открытии новой главы в переговорах о вступлении Турции в ЕС.

В 2016 г., между ЕС и Турцией были достигнуты договоренности о решении проблемы нелегальной миграции в ЕС с помощью Турции. Тем не менее, выполнение данных требований не привело к принятию Турции в ЕС, что привело к росту скептических настроений в турецком обществе относительно европейского будущего Турции⁴³. Дополнительным фактором в данном случае являлась активизация европейской риторики относительно массовых нарушений прав человека по итогам провалившегося силового захвата власти и последовавшего за этим режима чрезвычайного положения, что лишь обусловило охлаждение отношений между ЕС и Турцией в рассматриваемой сфере (заморозка принятия Турции в ЕС, заморозка переговоров о безвизовом режиме для Турции)⁴⁴.

Результатом вышеизложенных факторов в отношениях Анкары и Брюсселя стала трансформация долгосрочной стратегии ЕС в отношении Турции, в соответствии с которой отношения базировались на общих для государств интересах, при сохранении прагматического подхода, в соответствии с которым сотрудничество с Турцией осуществляется в необходимых для ЕС объемах, не влекущих за собой необходимость активизации переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС (модернизация ТС, визовая либерализация, осуществлении внутренних

---

⁴¹ Демирель Н. Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира // Известия Саратовского университета. – 2020. – № 2. С. 239.

⁴² Agreement between the European Union and the Republic of Turkey on the readmission of persons residing without authorisation of 16 December 2013. // [Электронный ресурс] URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0507\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0507(01)&from=EN) (дата обращения: 01.02.2021)

⁴³ Тимофеев П.П. Влияние миграционного кризиса в ЕС на отношения ЕС и Турции (2015-2016 гг.) // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 2. С. 65.

⁴⁴ Шумилин А.И. Евросоюз-Турция: конфликтное партнёрство // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2020. – № 5. С. 8.

реформ, сотрудничество по управлению миграционными потоками, борьба с терроризмом, верховенство права, действия Турции на Ближнем Востоке, участие Турции в стабилизации ситуации в Сирии), однако в рамках саммита ЕС – Турция (март 2018 г.), полноценное сотрудничество наметилось лишь по вопросам управления миграционными потоками⁴⁵ – по теме, которая интересовала преимущественно европейскую, а не турецкую сторону, тогда как остальные вопросы, важные для турецкой стороны, не нашли своего качественного отражения.

К тому же, в конце 2020 г. Брюссель обвинил Анкару в нарушении прав своих государств-членов (Греции и Кипра), а также во вмешательстве в разразившиеся боевые действия вокруг Нагорного Карабаха: «Анкара пока не выбрала позитивный путь в отношениях с ЕС, мы осуждаем последние односторонние действия Турции в Восточном Средиземноморье, провокации и агрессивную риторику, которая абсолютно неприемлема»⁴⁶, поставив тем самым вопросы касательно перспектив продолжения многолетнего партнерства ЕС с Турцией. По словам Верховного представителя ЕС по иностранным делам Ж. Борреля «отношения с Турцией впервые за всю историю проходят через водораздел, и нам придется двинуться в одну или в разные стороны – в зависимости от того, что будет происходить в ближайшее время»⁴⁷.

С другой стороны, необходимо отметить, что ЕС осуществляет взаимодействие с Турцией на всех доступных уровнях с целью недопущения изоляции Турции и повышения прогнозируемости отношений между ЕС и Турцией в дальнейшем, с акцентом на вопросах экономического, социального характера и базируется на соображениях геополитической

---

⁴⁵ Итоги саммита ЕС-Турция в болгарской Варне // МК Турция. 27 марта 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2018/03/27/itogi-sammita-es-turciya.html> (дата обращения: 03.01.2021).

⁴⁶ Remarks by President Charles Michel after the video conference of the members of the European Council on 29 October 2020. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/30/remarks-by-president-charles-michel-after-the-video-conference-of-the-members-of-the-european-council-on-29-october-2020/> (дата обращения: 03.02.2021).

⁴⁷ EU's relationship with Turkey has reached «watershed moment» says foreign policy chief Borrell. // Intelli News. September 15, 2020. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.intellinews.com/eu-s-relationship-with-turkey-has-reached-watershed-moment-saysforeign-policy-chief-borrell-191990/> (дата обращения: 03.01.2021).

безопасности (инвестиции в турецкую экономику, обеспечение выхода турецких товаров на европейские рынки, привлечение прямых инвестиций и т.п.).

Что же касается отношений России и Турции, то стоит отметить справедливое утверждение М. Зиганшина о том, что для российско-турецких отношений в XXI в. характерной чертой является динамизм, нацеленность на разрешение существующих политических разногласий, совместная работа государств в политической и дипломатической сфере (урегулирование локальных и региональных конфликтов), нацеленность на укрепление торгово-экономических и инвестиционных связей, за счет развития существующей системы экономических связей и большой роли политического взаимодействия для развития отношений в указанных направлениях взаимодействия⁴⁸. С точки зрения В. Наумкина, осуществляемое в XXI в. сближение РФ и Турции связано с двусторонней заинтересованностью государств в геополитическом, геоэкономическом, геостратегическом укреплении взаимодействия, с попутной минимизацией противоречий, что позволит в более полной мере реализовать политику двум государствам на региональном и глобальном уровне, при качественном укреплении позиции Турции и РФ как эффективных региональных акторов на современном этапе взаимодействия⁴⁹. Также указанное мнение уместно дополнить позицией главы МИД РФ С. Лаврова, по мнению которого, «текущее состояние российско-турецких отношений не вызывает беспокойства, так как они развиваются на устойчивой и солидной основе»⁵⁰.

Тем не менее, на современном этапе взаимодействия между РФ и Турцией существуют определенные геополитические расхождения, результатом чего является, к примеру, ситуативные торговые, туристические

---

⁴⁸ Зиганшин М.К. Россия-Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству (2001-2006 гг.). – Бишкек: Ош КPCY, 2009. С. 24.

⁴⁹ Наумкин В. Сирия – не помеха дружбе России и Турции. // Вести Кавказа. 28 ноября 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Vitaliy-Naumkin-Siriya-ne-pomekha-druzhe-Rossii-s-Turistii.html> (дата обращения: 16.01.2021)

⁵⁰ Лавров: Инцидент с самолетом не отразится на отношениях РФ с Турцией // Российская газета. 14.10.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/10/14/lavrov-anons.html> (дата обращения: 16.01.2021)

ограничения со стороны РФ, вводимые в отношении Турции по итогам локальных столкновений (к примеру, по результатам атаки на российский самолет в 2015 г., либо активными действиями Турции на территории Сирии в 2019 г., и т.д.), что несколько осложняет существующую систему и эффективность межгосударственного взаимодействия. Кроме того, в указанных условиях уместно отметить позицию Х. Кассимериса, по мнению которого «подход Турции предполагает восприятие России в качестве стратегического оппонента, при сохранении показного дружелюбия на официальном политическом уровне»⁵¹, что дополняется позицией А. Аваткова, по мнению которого Турция обладает достаточно масштабными интересами в Средней Азии и Закавказье – территории, которая входит в т.н. «зону исторической ответственности России»⁵². Это делает данную политику источником формирования новых противоречий и может затруднить качественный межгосударственный диалог в дальнейшем.

Взаимодействие между РФ и Турцией тесно связано с наличием политической воли и ориентированности политических элит двух государств на укрепление конструктивного диалога и взаимодействия в политической сфере. В свою очередь, результатом данной нацеленности может стать последовательное развитие торгово-экономического, инвестиционного, социально-культурного, финансового, туристического взаимодействия, в основе которого будет лежать взаимная заинтересованность двух государств, связанная с укреплением стратегического сотрудничества. В данных условиях уместным видится позиция В. Ягьи и Д. Соломиной, по мнению которых существующие достижения в структуре российско-турецких отношений, открывают достаточно большие перспективы для реализации совместных инфраструктурных проектов, участия государств в обеспечении безопасности, вовлечении государств в китайскую инициативу

---

⁵¹ Kassimeris C. Turkey's foreign policy options: Europe, the USA or Central Asia? // *Cotemporary politics*. – 2010. – Vol. 16. – Iss. 3. P. 328.

⁵² Аватков В., Солодовникова А. Сценарии и тренды развития российско-турецких отношений // *Россия и мусульманский мир*. – 2012. – № 6. С. 119.

«Экономический пояс Шелкового пути», что будет способствовать активному развитию экономик двух государств и двустороннему экономическому взаимодействию в целом⁵³.

Также важным аспектом является последовательное формирование новых механизмов взаимодействия в сфере противодействия терроризму, иным глобальным вызовам и угрозам⁵⁴ – к примеру, в рамках сохранения баланса сил в Евразии, на Ближнем Востоке, постсоветском пространстве, что в целом соответствует (ситуативно) геостратегическим интересам двух государств, связанных с непосредственным укреплением роли РФ и Турции в системе международного взаимодействия в целом.

Другим важным направлением, по оценкам А. Дружинина, является необходимость координации усилий в сфере противодействия т.н. «неоднозначным факторам»⁵⁵ – к примеру, процессам укрепления исламского, православного фактора в процессе жизни Турции и РФ, а также влияния данных факторов на внешнеполитические подходы РФ и Турции в контексте расширения существующей структуры взаимодействия как на двустороннем, так и на региональном уровне. Также, по оценкам Ж. Павельевой, важным аспектом является процесс последовательного продвижения «мягкой силы» двух государств, что предполагает активное развитие политического, дипломатического, социального, культурного диалога, расширении культурных и гуманитарных связей, развитию иных аспектов взаимодействия (проведение совместных культурных мероприятий, популяризация языка и культуры), что позволит заложить качественные основы для дальнейшего развития российско-турецких отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе⁵⁶.

---

⁵³ Ягья В.С., Соломина Д.В. Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – № 1. С. 137.

⁵⁴ Углубление российско-турецких отношений: Доклад / А.В. Кортунов, Э. Эршен. под ред. И.С. Иванова – М.: РСМД, 2018. С. 62.

⁵⁵ Дружинин А.Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 4. – С. 5-14.

⁵⁶ Павельева Ж.А. Фактор «мягкой силы» в российско-турецких отношениях на современном этапе // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 12. С. 365.

Таким образом, становится возможным формирование основных направлений взаимодействия, реализация которых заложит положительные перспективы развития российско-турецких отношений в целом:

1. Системное развитие прогнозируемого и стабильного политического диалога – как на уровне политических элит двух государств, так и на уровне отдельных внешнеэкономических ведомств, организаций, так и на индивидуальном уровне (культурно-социальное взаимодействие). Результатом данной деятельности может стать формирование новых совместных проектов, подписание новых документов, расширяющих существующий спектр двустороннего взаимодействия в инвестиционной, экономической, политической, культурной, энергетической сфере, в том числе, расширение туристического взаимодействия;

2. Последовательное развитие дипломатических связей – как на официальном и традиционном уровне, так и с применением новых инструментов «мягкой силы», в политике двух государств – активизации общественной дипломатии, культурной дипломатии, публичной дипломатии, спортивной дипломатии, медицинской (в контексте коронавируса) дипломатии, а также иных способов взаимодействия, с привлечением в структуру взаимодействия политиков, экспертов, политологов, историков, представителей общественных организаций двух государств, представителей диаспоры, что позволит в полной мере гармонизировать социально-политический диалог между двумя государствами – как на официальном, так и на формальном уровне;

3. Нацеленность государств на развитие экономического взаимодействия, за счет расширения российского экономического присутствия в Турции, в том числе, турецкого присутствия в Российской Федерации – магистральными направлениями в данном случае могут выступать такие аспекты как создания совместных предприятий, инвестиции в банковскую, торговую, промышленную сферу, консалтинг и страхование, участие государств в инфраструктурных проектах, включая проекты

двустороннего взаимодействия в сфере модернизации энергетической, транспортной, социальной, культурной инфраструктуры на территории двух государств. Производным от данной деятельности направлением может выступать оптимизация законодательства для работы российских предпринимателей и бизнеса в Турции, а также турецкого бизнеса на территории Российской Федерации, что позволит расширить существующий спектр торгово-экономических отношений на в среднесрочной и долгосрочной перспективе;

4. Содействие работе культурных фондов и общественных организаций, с целью расширения существующей системы культурного, научного, образовательного взаимодействия в качестве основы для формирования стабильного и прогнозируемого политического диалога в дальнейшем – в данном случае, указанное сотрудничество может быть дополнено взаимодействием между Министерством культуры РФ и Турции, активизацией работы Турецко-Российского фонда культуры, сотрудничеством на муниципальном, областном уровне;

5. Активизация энергетического сотрудничества – ключевым приоритетом в данном случае может выступать формирование новых совместных проектов строительства АЭС, ГЭС, реализация проектов по модернизации энергетической инфраструктуры, строительство новых ниток газопроводов, нефтепроводов, оптимизация взаимодействия государств в Центральной Азии;

6. Необходимость активизации взаимодействия в сфере обеспечения безопасности, с целью качественного и мирного урегулирования локальных и региональных конфликтов (Восток Украины, Сирия, Нагорный Карабах, Приднестровье), с привлечением как двух государств так и международного сообщества к данным процессам, что может быть дополнено развитием связей между гражданским населением двух государств (ка примеру, развитие российско-турецкого форума общественности, информационное сотрудничество, отражающие политические успехи, активизация

взаимодействия в научной, образовательной, экономической, политической плоскости).

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

2.1 Проблемы реализации внешнеполитической деятельности в условиях современной геополитической турбулентности

Анализируя проблемы реализации внешнеполитической деятельности Турецкой Республики в современных условиях, в первую очередь необходимо отметить, что совокупный термин «геополитическая турбулентность», отраженный в названии параграфа, связан, по нашему мнению, с наличием широкого спектра долгосрочных тенденций, преимущественно – деструктивного характера, прямо влияющих как на геополитическое положение отдельных государств, так и на процессы международного взаимодействия в целом, что приводит к последовательной корректировке отдельных внешнеполитических ориентиров государств.

В данном случае, пример Турции не является исключением, а выступает в качестве показательного примера по адаптации отдельного государства к новым геополитическим условиям, с целью укрепления позиций государства на региональном и глобальном уровне. Так, как уже было отмечено в предыдущей главе данной работы, начиная с середины XX в., прозападный (роевропейский) курс, позиционировался турецкими политическими элитами и общественностью в качестве приоритетного направления движения всего турецкого государства⁵⁷. Тем не менее, очевидные расхождения Турции и стран Запада как в отношении идентификации угроз региональной безопасности, равно как и разные подходы к осуществлению внешнеполитической деятельности, привели к формированию достаточно масштабных противоречий, затрудняющих укрепление роли Турции как полноценного Западного государства, ограничившись позиционированием Турции как инструмента,

---

⁵⁷ Еремеев Д.Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. – М.: Квадрига, 2016. С. 114.

способствующего реализации стратегических интересов США и государств ЕС на Ближнем Востоке.

В свою очередь, разное восприятие Турции – как со стороны американских, европейских, а также турецких политических элит, формирует необходимость качественного пересмотра ее стратегической роли, с целью обеспечения перехода от восприятия государства как «партнера» (фактически – инструмента) влияния Запада, к роли полноценного и самостоятельного игрока, реализующего свои интересы на региональном и глобальном уровне, при сохранении Турцией западных стандартов ведения внешнеполитической деятельности. Другим результатом является активизация связей с РФ и КНР, как альтернативными Западу центрами влияния в мире.

Как результат, базируясь на вышеизложенном, становится возможной детализация ключевых направлений внешнеполитической деятельности Турции, игнорирование либо выстраивание ошибочной стратегии, в рамках которых, может создать дополнительные трудности для государства, условно сегментировав указанные направления на отношения с глобальными центрами силы и отношения с государствами региона⁵⁸. Так, к отношениям с глобальными центрами силы следует отнести:

Во-первых, отношения с США: анализируя проблемы, важно отметить, что данное направление логически связано, по своему контексту, с совокупными, т.н. «западным направлением», внешнеполитической деятельности Турции, хоть и имеет характерные отличия от отношений с государствами Европейского Союза. Так, как уже было отмечено ранее, Турция выстраивает структуру внешнеполитического взаимодействия с США, как с ключевым актором, влияющим на все процессы международного взаимодействия –на глобальном и региональном уровнях. Достаточно важными направлениями в отношениях двух государств являются военное и

---

⁵⁸ Dursun-Özkanca O. Conclusion: Turkey and the West – What Next? // In book: Turkey–West Relations: The Politics of Intra-alliance Opposition – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 149.

политическое сотрудничество, взаимодействие в рамках НАТО, а также противодействие глобальным вызовам и угрозам современности – международному терроризму, транснациональной преступности, пресечению цепочек финансирования террористов, противодействию угрозам в киберпространстве, противодействию гибридным войнам, разрешению локальных и региональных конфликтов, миротворческим операциям, взаимодействию в рамках ООН в контексте урегулирования конфликтов в отдельных регионах, а также разрешению глобальных проблем – к примеру, в рамках противодействия распространению ядерного вооружения, бактериологического оружия, противодействие климатическим изменениям и т.д.

Тем не менее, отношения между двумя государствами существенным образом осложнились после попытки военного переворота в Турции в 2016 г. В данном случае, позиция турецких властей вызвана тем, что государства Запада могли оказывать скрытую поддержку мятежникам, что косвенно подтверждается упомянутым ранее отказом в экстрадиции лидеров переворота из США. Данная ситуация, по оценкам М. Сейфеттина, указывает на то, что отношения между двумя государствами находятся на переходном этапе, и могут быть охарактеризованы как «переход от стратегического сотрудничества к стратегическому соперничеству», по причине радикальных изменений в подходах двух государств к восприятию друг друга в качестве потенциальных стратегических оппонентов (по причине сотрудничества Турции с РФ и КНР в военно-технической и экономической сфере, а также по причине разного восприятия курдских боевых подразделений, и обвинений в вмешательстве США в внутренние дела Турции)⁵⁹. Это приводит к попыткам политического давления Турции на США – публичных сомнениях в эффективности НАТО и целесообразности нахождения в НАТО Турции, публичной демонстрации позитивных отношений с РФ и КНР, а

---

⁵⁹ Сейфеттин М. Турецко-американские отношения: от стратегического партнерства к стратегической вражде // ANKASAM. 30 июля 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ankasam.org/ru/турецко-американские-отношения-от-ст/> (дата обращения: 06.05.2021)

также в высказываниях первых лиц государства. Р. Эрдоган неоднократно отмечал, что «Турция не привязана к США и Америка не должна забывать, что если она не изменит своего отношения, то может потерять сильного и искреннего союзника в лице Турции»⁶⁰.

Негативная политическая атмосфера может быть связана также с разным подходом государств к видению ситуации на Кавказе, Ближнем Востоке, Черноморском и Каспийском регионе, а также позиционированием отношений с РФ, КНР, Индией и Ираном. Следует отметить, что позиция Турции может базироваться на совокупной разобщенности образа «единого Запада» – иными словами, в «коллективном Западе», существуют разные центры принятия решений (США, Германия, Франция и Великобритания), и каждое государство формирует свою политику в отношении Турции исходя из своих собственных геополитических интересов. Такое положение предполагает формирование схожего подхода и со стороны Турции – переходе от формирования отношений с обобщенным «Западом», к формированию отношений с каждым государством Запада в отдельности, по причине снижения влияния государств Запада на совокупные международные процессы и зависимость государств Запада от Турции (США – в плане безопасности; ЕС – в плане разрешения миграционного кризиса и противодействия терроризму и т.п.)⁶¹. Как результат, проблемы реализации внешнеполитических целей Турции в отношениях с США связаны с фактической возможностью Турции отстаивать свою субъектность в региональных и международных отношениях, тогда как взаимодействие с США, НАТО (т.н. «блоковая солидарность»), прямо зависит от того, как Турцию будут воспринимать США и страны НАТО (либо как полноценного союзника, что приведет к стабилизации отношений, либо как инструмент геополитического влияния США, что вызовет неприятие со стороны Турции

---

⁶⁰ Jones D. Turkey's Erdogan Vows Not to Bow to US Threats // VOA. July 29, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/europe/turkeys-erdogan-vows-not-bow-us-threats> (дата обращения: 07.05.2021)

⁶¹ Kirisci K. Turkey and the West: Faultlines in a Troubled Alliance. – Washington: Brookings Institution Press, 2017. P. 123.

и усугубит раскол). Важной проблемой в данном случае является также способность Турции укрепить статус государства, с интересами которого должны считаться и США, и государства Запада, что предполагает формирование обособленной политики с каждым конкретным государством Запада, при сохранении т.н. «системы сдержек и противовесов», в формате многостороннего взаимодействия.

Во-вторых, отношения с ЕС: по нашему мнению, камнем преткновения в данном случае выступает нежелание Европейского Союза изменять (даже с учетом выхода Великобритании из ЕС) нынешнее положение членства в рамках Европейского Союза (в случае вступления в ЕС, Турция может получить достаточно большое представительство в европейских структурах и прямо корректировать политику ЕС в зависимости от своих собственных целей). К тому же имеет место устойчивое турецкое лобби в таких государствах как Франция и Германия, что негативно отражается на сохранении интересов всех государств ЕС, что обуславливает перманентное формирование новых условий для вступления Турции в ЕС, и приводит к снижению стремления турецких политических элит к выполнению новых, формируемых официальным Брюсселем, условий для вступления⁶².

В свою очередь, вышеуказанное расхождение дополняется ростом политических противоречий между Турцией и государствами ЕС – примерами данных противоречий является запрет со стороны отдельных государств ЕС на проведение агитационных митингов в поддержку референдума о внесении поправок в Конституцию Турции, что встретило свое неодобрение в государствах с традиционно сильными позициями турецкой диаспоры (Франция, Германия, Италия)⁶³. Также кроме запрета на проведение агитации европейские власти отказали в посадке самолета главы

---

⁶² Müftüler-Baç, M. Turkey's Ambivalent Relationship with the European Union: To Accede or not to Accede // Uluslararası İlişkiler. – 2016. – Vol. 13. – Iss. 52. P. 99.

⁶³ Soler i Lecha E. EU-Turkey relations. Mapping landmines and exploring alternative pathways // FEPS Policy Paper, September 2019. [Электронный ресурс] URL: https://www.feps-europe.eu/attachments/publications/feps_eu_turkey_relations_soler.pdf (дата обращения: 09.05.2021)

МИД Турции, что встретило резкую критику со стороны Турции и обвинениям государств ЕС в исламофобии.

Другой ситуацией, указывающей на кризисные отношения между Турцией и ЕС, выступает осуждение речи Р. Эрдогана в Сараево (Сербия, находится в ассоциации с ЕС), в 2018 г., в контексте президентских выборов⁶⁴. Так, по мнению правительства Сербии, выступление Р. Эрдогана позиционировалось как вмешательство в политику других государств, что было поддержано Германией, указавшей на необходимость получения разрешения для проведения предвыборной агитации для иностранных политиков и недопустимости влияния Турции на турецкие диаспоры, которые проживают в Европе⁶⁵.

Результатом явилось наличие достаточно серьезных противоречий между Турцией и ЕС в политической сфере, однако необходимость совместной работы над обеспечением региональной и глобальной безопасности, сотрудничество в рамках НАТО, на данный момент не позволяет сторонам перейти к прямой политической конфронтации, и оставляет т.н. «поле для маневра», и созерцательного взаимодействия на основе общих для сторон интересов. В конечном итоге, уместным также видится допущение, что в дальнейшем стороны сумеют разрешить свои политические противоречия, что повысит статус Турции в глазах государств Запада, и позволит проводить турецкому государству эффективную внешнюю политику в рамках указанного направления;

В-третьих, отношения с РФ: анализируя проблемные отношения между Турцией и Российской Федерацией стоит отметить, что в данном случае наблюдается, по нашему мнению, двойственность в отношениях, при которой на официальном уровне стороны указывают на возможность

---

⁶⁴ Home away from home: Recep Tayyip Erdogan in Sarajevo // Deutsche Welle. May 19, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dw.com/en/home-away-from-home-recep-tayyip-erdogan-in-sarajevo/a-43855519> (дата обращения: 09.05.2021)

⁶⁵ Sebastian Kurz: „Wir würden Erdogans Einmischungen keinesfalls akzeptieren“ // Welt. 20.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus167824072/Wir-wuerden-Erdogans-Einmischungen-keinesfalls-akzeptieren.html> (дата обращения: 10.04.2021)

плодотворного и созерцательного сотрудничества в контексте решения общих для государств и обеспечения региональной безопасности проблем, тогда как на фактическом уровне происходят регулярные инциденты, обуславливающие повышение напряженности в отношениях. В данном случае, стоит отметить инцидент с российским самолетом Су-24 в 2015 г., а также убийство посла А. Карлова в 2016 г. Результатом данных событий стало издание Указа Президента РФ от 28 ноября 2015 г. № 583⁶⁶ в содержательной части которого отмечалась приостановка деятельности Межправительственной Российско-Турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, приостановлен переговорный процесс с Турцией по Соглашению о торговле услугами и инвестициями, Программе торгово-экономического, научно-технического и культурного взаимодействия между двумя государствами.

Запрет распространился на работу турецких перевозчиков, отмену безвизового режима, запрет на найм турецких рабочих, ввоз продовольственных товаров из Турции, деятельность отдельных турецких организаций⁶⁷. Тем не менее, учитывая экономическую и политическую заинтересованность государств в развитии сотрудничества, данный инцидент был в дальнейшем решен (выражение официальных соболезнований, возмещение ущерба), что привело к частичному снятию санкций в июле 2019 г.⁶⁸. Указанный шаг связан, с одной стороны, с поиском РФ новых союзников на региональном уровне, и, с другой стороны, стремлением Турции создать прочный фундамент для отношений с альтернативными центрами силы на региональном уровне, главным образом с Китаем и Россией.

---

⁶⁶ Указ Президента РФ № 583 от 28 ноября 2015 г. «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» // [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40335> (дата обращения: 10.04.2021)

⁶⁷ Россия ответила Турции за сбитый самолет экономическими мерами // ТАСС. 1 декабря 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/2489793> (дата обращения: 10.04.2021)

⁶⁸ Указ Президента Российской Федерации от 25.07.2019 № 357 "Об отмене некоторых специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики" // [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907250025?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 18.04.2021)

Как результат, характерные проблемы в реализации внешнеполитических целей Турции в отношениях с РФ связаны с фактической способностью государств сотрудничать в политической, экономической, торговой, инвестиционной сфере, а также сфере безопасности, на основе поиска баланса между интересами двух государств, и умении в оперативные сроки урегулировать конфликтные ситуации – на примере сирийской провинции Идлиб, либо Нагорного Карабаха. Дальнейшая приверженность государств к укреплению взаимодействия, нацеленность на созерцательное сотрудничество и решение ситуативных противоречий, будет способствовать гармоничному развитию турецко-российских отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе;

В-четвертых, отношения с КНР: в первую очередь необходимо отметить, что в системе внешнеполитических приоритетов Турции, Китай позиционируется в качестве государства, способного в перспективе заменить США по уровню геополитического и геостратегического влияния. Также турецкий интерес к Китаю связан, по нашему мнению, с принципиально разными подходами Китая и США к формированию отношений с ключевыми государствами в отдельных регионах, к которым относится и Турция.

Так, если позиция США на официальном уровне заключается в продвижении демократии и сотрудничестве в сфере безопасности, то на самом деле это предполагает использование Турции в качестве инструмента обеспечения американских интересов на Ближнем Востоке и в Азии. В случае наличия противоречий в рамках эксплуатации таких проблем как: нарушения прав человека, отсутствие демократии, коррупция (к слову, данные обвинения звучат со стороны США и в отношении Китая, РФ, Ирана), это приводит к угрозе введения против несогласных с американским режимом экономических, политических и иных санкций, гибриднему противостоянию и феномену «арабской весны» для дестабилизации ситуации в регионе. В противовес американскому, китайский подход же характеризуется уважением и отказом от вмешательства во внутренние дела

государств, уважением к суверенитету и связан с практикой вовлечения государств в орбиту китайского взаимодействия за счет интеграции в крупнейшие китайские экономические инициативы⁶⁹. К примеру, инициативу «Один пояс – один путь», и иные, производные от данной инициативы направления («Экономический пояс Шелкового пути», «Шелковый ветер», «Морской Шелковый путь XXI века», «Новый Шелковый путь»), и дополняется реализацией «мягкой силы» КНР, что в целом соответствует турецким экономическим и энергетическим интересам (использование транзитного потенциала Турции для обеспечения движения товаров в Европу и Китай, модернизация логистической и транспортной инфраструктуры, привлечение инвестиций в экономику Турции, что укрепляет позиции государства на региональном уровне и т.п.). Как результат, указанный подход способствует укреплению отношений между двумя государствами и сопровождается официальными политическими заявлениями турецкой стороны о возможном присоединении Турции к ШОС. Как итог, уместным видится допускать, что развитие отношений с данным центром силы связано с фактической калибровкой взглядов Турции и КНР на ситуацию на Ближнем Востоке, а также общими подходами к дальнейшему развитию международных отношений и процессов обеспечения безопасности в целом⁷⁰. Стремление к созерцательному взаимодействию будет способствовать, по нашему мнению, повышению уровня стратегического взаимодействия между двумя государствами и позволит минимизировать вероятность появления проблем в дальнейшем.

Таким образом, характерные проблемы в реализации внешнеполитического курса Турции с ключевыми центрами принятия стратегических решений на региональном уровне, связаны с фактической

---

⁶⁹ Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2017. – № 9. С. 139.

⁷⁰ Խաչատրյան Ա.Գ. Չին-թուրքական հարաբերությունները և ներքին տրանսֆորմացիան շրջանում "նախնական հարցի" չեզոքացումը (20-րդ դարի վերջ - 21-րդ դարի սկիզբ) (Хачатрян А.Г. Период трансформации китайско-турецких отношений и нейтрализация «уйгурского вопроса» конец 20 века – начало 21 века) // Регион и мир. – 2020. – № 4. С. 36-37.

способностью Турции обеспечивать и поддерживать высокий уровень самостоятельности государства в качестве полноценного и независимого геополитического игрока, реализующего свои интересы на региональном и глобальном уровне и формирующего свою политику без жесткой привязки к позициям других центров влияния. Вполне естественно, что повышение уровня самостоятельности Турции не может соответствовать интересам всех государств – к примеру, США и государств ЕС, заинтересованных в использовании Турции в качестве инструмента реализации их же интересов (при этом формально указывается, что Турция является посредником между государствами Запада и Ближним Востоком), тогда как интересы самой Турции, как правило, находятся на втором плане. Указанное неприятие выражается в увеличении политического давления на Турцию, но приводит к обратному эффекту – политическим заявлениям со стороны турецкого руководства о сомнениях в целесообразности поддержки высокого уровня взаимодействия с государствами Запада на двустороннем и многостороннем уровне, а также показательному укреплению отношений с альтернативными Западу региональными центрами силы – главным образом, с РФ и КНР. В конечном итоге, от способности турецкого руководства найти четкий баланс в взаимодействиях с разными центрами принятия стратегических решений, а также от умения выстроить четкий баланс, при котором будут учитываться интересы Турции, зависит дальнейшее укрепление позиций государства на региональном и глобальном уровне и, следовательно – решение существующих проблем в отношениях с глобальными центрами силы.

Другой пласт внешнеполитических интересов, связан с решением Турцией проблем в отношениях с государствами региона, что обуславливает внутрирегиональное измерение внешнеполитической деятельности Турции. К ключевым направлениям в данном случае необходимо отнести отношения в следующих направлениях:

Первое: отношения с Ираном. Отражение отношений с Ираном в качестве одного из региональных приоритетов Турции связано с совокупной

сложностью и противоречивостью данных отношений на длительном историческом промежутке времени, тогда как на современном этапе ключевым фактором, влияющим на отношения двух государств, отводится сирийскому кризису и факт, чему участию двух государств в рамках данного конфликта. Тем не менее, стороны взвешенно подходят к взаимодействию в рамках Астанинского процесса и делают акцент на необходимость дипломатического урегулирования данного конфликта⁷¹. Так, по оценкам Президента Ирана Х. Роухани, высказанного в 2018 г., в беседе с Р. Эрдоганом, «наши страны находятся на близких позициях по региональным и международным вопросам»⁷², что указывает на возможность трансформации данных отношений в полноценное стратегическое взаимодействие. Тем не менее, условием для эволюции данных отношений является устранение разногласий между государствами по вопросам власти в Сирии – так, Турция делает акцент на необходимости ухода Б. Асада, тогда как позиция Ирана заключается в том, что Б. Асад является легитимным президентом Сирии, и его уход приведет к новой волне противостояния и попыткам передела Сирии со стороны крупнейших игроков. Также Иран осуждает действия Турции на территории Сирии в отношении курдских боевых подразделений, воюющих вместе с Ираном против представителей «Исламского Государства»⁷³.

С другой стороны, по оценкам С. Малеки, на сегодняшний день, наблюдается осторожность в политике Турции, отказ от рискованных шагов, которые могут усугубить отношения между Турцией и другими государствами региона⁷⁴. Кроме того, положительные тенденции в отношениях и внешнеполитическом взаимодействии Турции и Ирана

---

⁷¹ Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – № 4. С. 138.

⁷² Dr Rouhani in a phone call with his Turkish counterpart: Iran-Turkey ties should be promoted to strategic level in all fields/Faster implementation of using national currency in business transactions // [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.ir/en/102822> (дата обращения: 11.02.2021)

⁷³ Aktaş K. Suriye ve Irak Örnekleri Üzerinden Türkiye-İran İlişkileri: İş Birliği mi Rekabet mi? // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – 2018. № 1. P. 171.

⁷⁴ Иран и Турция: региональные проблемы и консультации в Тегеране // Pars Today. 08.02.2018. [Электронный ресурс] URL: https://parstoday.com/ru/news/middle_east-i83219 (дата обращения: 11.02.2021)

связаны с критикой Турцией антииранской стратегии США, что приводит к осложнению турецко-американских отношений и, по оценкам министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу: «Турция не будет применять санкции США против Ирана»⁷⁵. Полагаем, это указывает на высокую заинтересованность Турции в развитии отношений с Ираном в политической, экономической, энергетической сфере. Как результат, позиции государств совпадают по отдельным геополитическим вопросам, однако совокупная эффективность данных отношений зависит от факта выработки общей позиции государств по сирийскому кризису, что в целом соответствует интересам двух государств. Тактическое взаимодействие Турции и Ирана представляется возможным в контексте стабилизации ситуации на Ближнем Востоке, однако факт ориентированности Турции на Запад не позволяет говорить о возможном появлении т.н. «антизападной коалиции» в лице Ирана, РФ, КНР и Турции. К тому же, Анкара и Тегеран по-разному видят будущее Ближнего Востока и свою миссию в регионе, и в этом кроется наиболее глубокое противоречие между странами, на основании чего говорить о прочной кооперации в перспективе не представляется возможным⁷⁶.

Второе: отношения с Израилем. Анализируя отношения с Израилем в качестве возможного источника кризисных явлений для внешнеполитического курса Турции необходимо отметить, что главной проблемой в данном случае является сильная ориентированность Израиля на США, попытка использования Израиля для давления на Турцию, а также неопределенность относительно возможного сотрудничества в контексте обеспечения региональной безопасности в целом. Характерные сложности в данном случае связаны с подходом Израиля и попыткой маргинализации

---

⁷⁵ Turkey Not Interested in US' Iran Sanctions // Financial Tribune. 10.08.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://financialtribune.com/articles/national/91530/turkey-not-interested-in-us-iransanctions> (дата обращения: 18.03.2021)

⁷⁶ Majidyar A. Rouhani, Erdogan pledge cooperation, but mutual distrust remains // Middle East Institute. 8.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mei.edu/content/io/rouhanierdogan-pledge-cooperation-mutual-distrust-remains> (дата обращения: 11.03.2021)

палестинской проблемы, а также соперничестве с Ираном, что требует от Турции выработки разных стратегий взаимодействия с Израилем и Ираном⁷⁷. Также стоит отметить низкий приоритет турецкого направления для Израиля, и акценте для Израиля на сотрудничестве с суннитскими государствами – Египтом, Саудовской Аравией и ОАЭ, с целью создания коалиции для противодействия Ирану. Также характерные сложности в отношениях двух государств связаны с поддержкой Израилем отношений с Иракским Курдистаном, который позиционируется Турцией в качестве потенциального источника угроз национальной безопасности Турции, тогда как для самого Израиля угрозой выступает ситуативное сближение Турции и Палестинской автономии, поддержка ХАМАС и т.д.⁷⁸. Как результат, отношения двух государств базируются на широком числе ограничений и сложностей, препятствующих полноценному развитию диалога и создающих ограничения для эффективной реализации Турцией внешнеполитических интересов на региональном уровне;

Третье: отношения с Ираком, Сирией и курдами. В данном случае, характерные проблемы связаны с заинтересованностью Турции в ослаблении позиций курдов в указанных государствах (Иракский Курдистан, Сирийский Курдистан), борьбе с вооруженными отрядами курдов в районе турецких границ, а также противодействию Рабочей партии Курдистана. Так, на территории Ирака Турция наращивает взаимодействие с иракскими суннитами и туркоманами (иракские туркмены), и поддерживает их борьбу с курдами, что дополняет действия турецкого военного контингента, противодействующего Рабочей Партии Курдистана⁷⁹. В свою очередь, указанное обстоятельство формирует необходимость поиска баланса между отношениями Турции и центрального правительства Ирака, и Иракским

---

⁷⁷ Современная Турция: тренды развития и значение для России. / Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 21.

⁷⁸ Корочкина В.А. Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 20. С. 226.

⁷⁹ Геворгян А.Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте Сирийского кризиса // Вестник РУДН. – 2019. – № 4. С. 618.

Курдистаном. Также стоит отметить, что Турция нацелена на созерцательное взаимодействие с ключевыми силами в указанном регионе, в результате чего Иракский Курдистан, по оценкам исследователей, может позиционироваться в качестве субъекта турецкой политики в регионе. Применимо к Сирийскому Курдистану необходимо отметить, что в данном случае политика Турции связана с попыткой ликвидации данного субъекта, что позволит в перспективе заменить режим Б. Асада и сформировать лояльное к Турции правительство в Дамаске, сделав Сирию исключительной зоной турецкого влияния⁸⁰. Тем не менее, мы полагаем, что данный исход видится маловероятным, учитывая большое количество пересекающихся в Сирии интересов других государств – США, РФ, государств ЕС, а также ОАЭ, Катара, Египта, Израиля и т.д. Как результат, наиболее вероятным в данном случае видится попытка недопущения создания независимого Курдистана, а также наращивание усилий Турции, связанных с созданием зоны безопасности на всем протяжении границы между Турцией и Сирией, при ситуативной деятельности ВС Турции на территории Сирии и взаимодействия с Ираном как государством, которое может воздействовать на курдский фактор в долгосрочной перспективе;

Четвертое: отношения с государствами на постсоветском пространстве. Анализируя в рамках данного параграфа работы отношения Турции с государствами на постсоветском пространстве. В первую очередь необходимо отметить наличие тесной связи между данным процессом и упомянутым ранее направлением взаимодействия между Турцией и Российской Федерацией. Несколько детализируя указанный тезис необходимо отметить, что в данном случае сложности заключаются в том, что совокупное постсоветское пространство воспринимается Российской Федерацией в качестве традиционной зоны стратегической и исторической ответственности России, что обуславливает действия РФ, направленные на

---

⁸⁰ Васецова Е.С. Курдский вопрос в контексте урегулирования Сирийского конфликта // Вестник Московского университета. – 2019. – № 4. С. 35.

закрепление монопольного (доминирующего) положения государства как единственного актора, влияющего на все политические, экономические, торговые, стратегические процессы взаимодействия, а также единственной силы, способной обеспечить мир и безопасность в рамках данного региона и воспринимающего другие государства (Турцию – в контексте отношений с государствами Азии, США, ЕС и НАТО – в контексте отношений с государствами Балтии, а также Украиной, Беларусью, Грузией, Польшей, Молдовой), в качестве потенциальных конкурентов, действующих с целью ослабления влияния Российской Федерации на постсоветское пространство⁸¹. Тем не менее, важно учитывать, что государства Центральной Азии также позиционируются Турцией в качестве традиционной зоны ответственности, что связано с историческими аспектами, проживанием тюркоязычных народов на территории данных государств, а также вхождением их территорий в состав Османской Империи.

Как результат, наблюдается сходство подходов РФ и Турции, воспринимающих отдельные регионы постсоветского пространства в качестве своей традиционной зоны ответственности, только РФ делает акцент на СССР, а Турция – на Османской Империи, тогда как в данных государствах проживают этнические группы, близкие и к РФ, и к Турции. Подход Турции к центральноазиатским государствам связан с оказанием финансовой помощи, кредитов, технической поддержки (к примеру, помощи Азербайджану в военной и технологической сфере, в контексте кризиса в Нагорном Карабахе в 2020 г.), тогда как позиция РФ заключается в дипломатическом, экономическом, торговом взаимодействии (дипломатическое посредничество, в свою очередь, позволило заморозить конфликт в Нагорном Карабахе в ноябре 2020 г.)⁸². Также Турция, с помощью упомянутого в первой главе данной работы Турецкого агентства по

---

⁸¹ Косов Г.В., Шангараев Р.Н. Пересечение стратегических интересов России и Турции на постсоветском пространстве // Современная наука и инновации. – 2020. – № 3. С. 150.

⁸² Абрамян А.С. Политика популизма Эрдогана – вызов в Нагорном Карабахе? // Постсоветский материк. – 2020. – № 3. С. 57-58.

сотрудничеству и развитию, обеспечивает работу турецкого бизнеса в государствах ЦА, а также создает условия для гармоничного взаимодействия турецких инвесторов в государствах Центральной Азии. Тем не менее, в отличие от РФ, делающей акцент на двустороннем сотрудничестве и сотрудничестве в рамках ОДКБ, Турция концентрируется лишь на двустороннем взаимодействии в военно-технической, политической и экономической сфере, что связано с невозможностью обеспечивать полноценное взаимодействие на всех официальных уровнях (ограниченность ресурсов). В свою очередь, эффективное осуществление внешнеполитической деятельности на данном направлении связано с поиском баланса между интересами Турции и РФ в указанном регионе, что позволит обеспечить переход от конфликта интересов двух государств к полноценному сотрудничеству с государствами региона.

2.2 Перспективы реализации внешней политики Турецкой Республики

Рассуждая о перспективах реализации внешней политики Турции, в первую очередь необходимо отметить, что, по нашему мнению, на данные перспективы влияет несколько факторов.

Во-первых, стоит отметить появление новых инструментов осуществления внешнеполитической деятельности, которые находят свое отражение в политике каждого государства, включая Турцию – главным образом, дипломатического вектора во внешней политике государства.

Во-вторых, пандемия COVID-19 существенно повлиял на международные отношения результатом стало сокращение миграционных потоков, деловой, политической, экономической и социальной активности; сокращение ВВП, закрытие предприятий, сокращение туризма, рост безработицы и рост социально-культурного напряжения;

В-третьих, Активизация региональных конфликтов – к примеру, конфликта в Нагорном Карабахе, активизация противостояния в Сирии,

упомянутый ранее курдский фактор, конфликты в Секторе Газа, а также активизация давних межгосударственных противоречий, активизация новых вызовов и угроз современной безопасности – международный терроризм, экстремизм, сепаратизм, гибридные войны, феномен «арабской весны», попытки силового смещения власти и пр.

В свою очередь, ряд указанных проблем – к примеру, пандемия коронавируса, либо противодействие терроризму обладают ярко выраженными деструктивными тенденциями, подрывающими основы безопасности, и осложняющими отношения, как на региональном, так и глобальном уровне. Кроме того, противодействие указанным проблемам, по причине их естественной транснациональности и трансграничности, не может эффективно воплощаться в жизни на базе усилий одного государства и требует необходимости кооперации государственных акторов, международных организаций, а также международного сообщества для решения указанных проблем. С другой стороны, успешная реализация внешнеполитической деятельности Турции, также находится в тесной привязке к фактической способности государства реализовывать внешнюю политику с использованием всего доступного инструментария, что позволит повысить роль государства в международных процессах, глобальных цепочках политического, социального и экономического взаимодействия, сделав государство полноценным участником международных отношений, реализующего свою политику на самостоятельной основе (с учетом, но без оглядки), текущей геополитической ситуации.

За последние годы турецкой внешней политике и дипломатии пришлось столкнуться с серьезными кризисами. Переломным моментом в длительных спорах между Турцией и Грецией, Францией и ЕС было Восточное Средиземноморье. Но несмотря на это, ни Анкара, ни Брюссель по итогу не могли позволить себе принять решение о разрыве отношений. Турция подтверждает, что видит свое будущее в Европе, в то время как ЕС снова подчеркнул свою готовность придерживаться позитивной повестки дня

в отношениях Турцией, поскольку вводились очень легкие санкции против Турции, несмотря на давление со стороны Греции, Франции и Кипра⁸³.

В свете изложенного, можно полагать, что 2021 г. станет для Турции годом, чтобы восстановить связи с Грецией, Францией и Европейским союзом в целом – например, решение Турции ограничить сейсмические работы судна «Oruç Reis» в заливе Анталии является четким сигналом к этому⁸⁴. И если Греция сможет воздерживаться от провокационных шагов в Эгейском и Средиземном море, то никакая нежелательная эскалация, скорее всего, не будет беспокоить турецкую и европейскую дипломатию.

Отметим и то, что отношения между Турцией и США в 2020 г. в преддверии американских президентских выборов были довольно спокойными, но после поражения на выборах, уходящая администрация Д. Трампа ввела 5 из 12 санкций в соответствии с Законом о противодействии противникам Америки посредством санкций в отношении Турции в связи с покупкой ею систем ПВО С-400 у России⁸⁵. Масштабы санкций ограничивались лишь нацеленностью на недопущение лидерства Турции в сфере оборонной промышленности, щадя турецкую экономику и финансовые институты. И хотя Вашингтон подчеркнул, что у него не было намерения подрвать потенциал турецких вооруженных сил, можно предполагать, что санкции могут нанести ущерб турецкой оборонной промышленности в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Это делает необходимость решение спора по С-400 между Турцией и США приоритетной задачей на перспективу во избежание будущих рисков для внешнеполитических отношений.

С другой же стороны, усиление, а не ослабление напряженности между Соединенными Штатами и Турцией служит укреплению поддержки Р.

---

⁸³ Demirtaş S. Turkish foreign policy in 2020 and prospects for 2021 // Daily News. December 28, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/turkish-foreign-policy-in-2020-and-prospects-for-2021-161194> (дата обращения: 09.05.2021)

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Macias A. U.S. sanctions Turkey over purchase of Russian S-400 missile system // CNBS. December 14, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnbc.com/2020/12/14/us-sanctions-turkey-over-russian-s400.html> (дата обращения: 09.05.2021)

Эрдогана среди его политической базы и играет на особом типе турецкого национализма, который имеет долгую историю и усиливает внутреннюю поддержку политических элит в Турции. И помимо силы авторитарного режима Р. Эрдогана, рост напряженности между США и Турцией согласуется с сильным идеологическим стремлением Турции к большей независимости и автономии, а не к тому, чтобы быть инструментом более крупной западной державы. Как следствие, можно прогнозировать, что турецко-американский вектор отношений будет продолжать становиться напряженными, в то время как российско-турецкие отношения, вероятно, будут на этом фоне только углубляться.

Итак, применимо к одному из наиболее показательных вызовов 2020 – 2021 гг. – пандемии коронавируса необходимо отметить, что данный аспект также может восприниматься в качестве одного из ориентиров, способствующих консолидации государств с целью оказания качественного противодействия. В данных условиях, уместным видится допущение о формировании т.н. «медицинской» либо «коронавирусной дипломатии», характерной чертой которой может выступать отсутствие привязки к политическому курсу конкретного государства, либо факту наличия политических противоречий и предубеждений (к примеру, поставки медицинского оборудования, вакцины в государства, с которыми Турция имеет определенные политические противоречия, что позволит сформировать благоприятный образ Турции в умах критически настроенных зарубежных целевых аудиторий).

Развивая концепцию т.н. «коронавирусной дипломатии», необходимо отметить позицию министра промышленности и технологий Турции М. Варанка, отражающей практические шаги Турции в данном направлении – так, по его мнению, Турция задействована в разработке вакцины от «Covid-19» (на базе Биотехнологического института при Университете Анкары)⁸⁶. В

---

⁸⁶ В Турции разрабатывают инновационную вакцину от COVID-19 // Агентство Анадолю. 25.01.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/ru/коронавирус/в-турции-разрабатывают-инновационную-вакцину-от-covid-19/2121800> (дата обращения: 02.05.2021)

данных условиях, привлечение внимания международного сообщества к глобальным проблемам, отказ от политизации данного взаимодействия, также позволит укрепить имидж Турции как государства, не только формально декларирующего, но и практически заинтересованного в противодействии пандемии коронавируса, а также укрепления роли государства, способного объединить вокруг себя международное сообщество для противодействия глобальным проблемам, вызовам и угрозам. Как результат способность Турции показать пример стойкости перед пандемией как главным вызовом 2020-2021 гг., может оказать положительное влияние на имидж и реализацию внешнеполитической деятельности государства в среднесрочной и долгосрочной перспективе. По сути, Турция извлекла выгоду из процесса пандемии, укрепив свой имидж как страны, оказывающей гуманитарную помощь (предоставила медицинское оборудование более чем 150 странам и международным организациям) и завоевала мировую репутацию⁸⁷.

В конечном итоге, фактором, влияющим на дальнейшую эффективность внешнеполитической деятельности Турции, является способность турецкого государства не содействовать развитию конфликтов, а выполнять роль посредника, способствующего мирному урегулированию данных конфликтов (по примеру Российской Федерации в ситуации с Нагорным Карабахом). Успешная реализация данного подхода в краткосрочной перспективе видится маловероятной, поскольку требует фундаментального пересмотра внешнеполитических ориентиров Турции, отхода от скрытого подогревания конфликтов и поддержки одной стороны (Азербайджана), к созерцательному взаимодействию с целью недопущения эскалации давних противоречий и региональных конфликтов. Тем не менее, в случае акцента на необходимости использования мирных инструментов урегулирования конфликтов и сотрудничества с ключевыми игроками на

---

⁸⁷ Pitel L. What is behind Erdogan's coronavirus diplomacy? // Financial Times. April 30, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/8602c2da-f1d0-4a78-b848-4c8bf8b9e311> (дата обращения: 08.05.2021)

геополитическом пространстве – РФ, США, при сохранении баланса между интересами внерегиональных акторов и Турции, видится допустимым дальнейшее укрепление позиций Турции как одного из ключевых центров силы, способного обеспечивать высокий уровень региональной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1. Стратегические цели Турции во внешней политике связаны с поиском и обеспечением баланса сил на региональном и глобальном уровне, поиском новых точек соприкосновения с новыми центрами принятия решений, а также такими аспектами как укрепление позиций Турции на региональном уровне, поиск баланса между свободой турецкого народа и безопасностью, такими принципами как многовекторность, координация международных усилий государств для решения глобальных проблем, участие в международных и региональных организациях, что позволит укрепить внешнеполитические позиции турецкого государства в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Достижение внешнеполитических целей, в свою очередь, становится возможным при условии стабилизации внутривнутриполитической ситуации – обеспечения безопасности турецких граждан, развитии общественного, дипломатического взаимодействия на всех уровнях, развитии экономики, привлечении инвестиций, интеграции в жизнь общества демократических ценностей с одной стороны, и сохранении традиций, исторического и культурного наследия Турции с другой стороны, повышении социальных стандартов и интеграции турецкого общества в глобальные цепочки движения капитала, инвестиций, политического сотрудничества, социальной деятельности и т.п.

2. Ключевыми ориентирами внешней политики Турции в данном случае выступают такие аспекты как укрепление позиций государства в качестве регионального лидера и центра принятия стратегических решений, а также интеграция элементов из идеологии неоосманизма в современную внешнеполитическую деятельность Турции – к примеру, укрепление взаимодействия с бывшими территориями Османской империи, объединение тюркских народов (интеграционное взаимодействие, использование истории

и религии как объединяющего фактора), что дополняется укреплением консервативной составляющей в осуществлении внешней политики Турции на современном этапе, и что дополняется развитием отношений с другими регионами – США, ЕС, РФ, КНР. Указанное обстоятельство указывает на высокий уровень законодательной и институциональной проработанности базы, способствующей осуществлению внешнеполитической деятельности Турции, которая осуществляется как на базе государственных структур (МИД Турции), отдельных лиц (Президент Турции), так и на базе некоммерческих либо аффилированных с государством структур, нацеленных на взаимодействие как с отдельными сообществами, отдельными государствами, так и целыми регионами (аналитические центры, культурные центры, некоммерческие организации, отдельные фонды, религиозные объединения), формирующие, в своем комплексе, совокупную внешнеполитическую деятельность Турции.

3. Отношения Турции с США и ЕС обладают широким спектром проблем, связанных с разными подходами и долгосрочными интересами государств. Так, США, равно как и ЕС воспринимают Турцию как стратегического партнера по НАТО, и инструмента осуществления геополитических интересов США и ЕС на Ближнем Востоке. Отдельно стоит отметить военную сферу, учитывая, что Турция обладает вторым по численности континентом НАТО, что обуславливает высокий вклад государства в обеспечение региональной и глобальной безопасности. Одновременно с этим, высокий вклад Турции в обеспечение безопасности связан с позиционированием политическим руководством Турции роли турецкого государства как ключевого актора и регулятора отношений, политических и экономических процессов на региональном уровне, иными словами – самостоятельного актора, который формирует свою политику исходя из своих собственных национальных интересов и внешнеполитических приоритетов, а не который является инструментом продвижения американских либо европейских интересов. Вполне

закономерно, что разница в подходах приводит к осложнениям в отношениях между Турцией, ЕС и США, а также критике отношений Турции с РФ и КНР, и разному восприятию террористической угрозы в регионе (поддержка курдов со стороны США, критика отношений Турции и Ирана, и т.п.). Другой пласт проблем связан с восприятием Турции в ЕС – так, учитывая продолжительные связи между Европой и Турцией, ЕС не заинтересован в полноценном членстве Турции в ЕС, что связано с возможным изменением баланса сил и интересов, нарушением совокупной целостности ЕС. В данном случае, Турция позиционируется как партнер Сообщества, но не как полноценный участник, что дополняется формированием новых условий для вступления Турции в ЕС, либо заморозкой переговорного процесса по причине абстрактных проблем – обвинений в нарушении прав человека и т.п. С другой стороны, европейский вектор Турции долгое время позиционировался в качестве магистрального направления внешней политики государства, однако искусственное затягивание процесса привело к росту скептических настроений относительно европейского будущего Турции, хотя о полном отказе от европейского вектора на данный момент говорить не приходится. Указанная ситуация, в конечном итоге, оказывает прямое влияние на формирование проблем в отношениях между Турцией и другими центрами мира, от факта решения которых зависят перспективы геополитического положения Турции в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

4. Отношения между РФ и Турцией в XXI веке могут быть идентифицированы в качестве достаточного развитого диалога, в развитии которого заинтересованы оба государства. Как результат, характерными проявлениями данного взаимодействия является развитие торгового, экономического, политического, дипломатического и энергетического диалога, дополняя данные элементы развитием сотрудничества в сфере обеспечения безопасности на региональном уровне. Одновременно с этим, в отношениях двух государств существующие ситуативные противоречия, в

отношении проводимой государствами политики, проявлением чего являются турецкие атаки на российский самолет в 2015 г., одностороннее введение ВС Турции в Сирию в 2019 г., что создает угрозу активизации деструктивных процессов в отношениях двух государств на современном этапе развития. Российский и турецкий подходы предполагают укрепление влияния государств на региональном уровне (Северная Африка, Ближний восток, Центральная Азия). Тем не менее, если позиция РФ направлена на укрепление экономических и политических взаимосвязей как с ЕС, так и с государствами АТР (в рамках реализации концепции «Разворота РФ на Восток»), то турецкий подход предполагает позиционирование государства как одновременно и европейского, и азиатского государства. Также схожие черты во внешнеполитических подходах государств связаны с нацеленностью на укрепление позиций государств на Ближнем Востоке, посреднической роли в урегулировании конфликтов, что будет способствовать формированию благоприятного образа государств, в сферу интересов которых входит обеспечение региональной безопасности. Наличие политической воли в нацеленности государств на укрепление сотрудничества, позволит заложить и придать положительную динамику дальнейшему развитию российско-турецких отношений в среднесрочной и долгосрочной перспективе. С другой стороны, игнорирование указанных направлений приведет к ухудшению отношений и эскалации противоречий, разрешение которых может являться долгосрочным процессом. Также важно отметить, что развитие отношений должно осуществляться как на официальном политическом уровне, так и на уровне отдельных ведомств, министерств, а также на общественном и частном уровне, что позволит гармонизировать существующую систему российско-турецких отношений в целом.

5. Внешнеполитическая деятельность Турции имеет ярковыраженное глобальное и региональное измерение. К глобальному измерению необходимо отнести отношения с ключевыми центрами принятия

стратегических решений – отношения с США, РФ, государствами ЕС, отношения с Китаем. В данной плоскости, характерные проблемы связаны с конкуренцией между Турцией и США, ЕС, разным восприятием вопросов безопасности, а также разным подходам к отдельным государствам (к примеру, к Израилю и Ирану). Также характерные сложности заключаются в восприятии Турции как инструмента реализации геополитических интересов Запада в регионе, хотя на официальном уровне данная деятельность позиционируется в качестве посреднической функции Турции. Указанное обстоятельство не соответствует интересам Турции, заинтересованной в повышении самостоятельности и приоритете не западных, а своих собственных интересов в процессе реализации внешнеполитической деятельности, что вызывает критику со стороны США и государств ЕС, и обуславливает активизацию сомнительной политической риторики о недопустимости сотрудничества Турции с стратегическими противниками США – РФ, Ираном, Китаем. В свою очередь, данные государства, будучи полноценными центрами силы, могут предоставить Турции полноценные ресурсы для укрепления роли государства на региональном уровне, а также укрепления экономического потенциала турецкого государства.

6. С другой стороны, Турция имеет общие точки соприкосновения с США и с ЕС – главным образом, в плоскости экономического, политического, военно-технического сотрудничества, сотрудничества в урегулировании ситуации в Сирии, сотрудничества по миграционным вопросам с ЕС, а также сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом (включая взаимодействие в рамках НАТО). На текущий момент, общие точки соприкосновения, несмотря на наличие двоякой политической риторики в заявлениях Турции, США и ЕС, преобладают, в своем материальном выражении, над проблемами, что позволяет сделать допущение про отсутствие факта полного отказа от прозападной ориентированности Турции. Решение указанных противоречий, наличие уважения со стороны США и ЕС к позиции Турции, будет способствовать повышению эффективности

отношений данных сторон, что позволит стабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке, тогда как сотрудничество с РФ и КНР, придаст положительный импульс обеспечению безопасности в уязвимых для процессов дестабилизации регионах, и придаст Турции новый импульс для развития в геополитическом и экономическом масштабе. Применимо к региональному измерению необходимо отнести отношения с Сирией, Ираком, Израилем, Ираном, постсоветским пространством, борьбу с курдами. В данном случае, Турция имеет расхождения с каждым из данных государств, однако также у сторон существуют и общие цели – обеспечение региональной и глобальной безопасности, урегулирование региональных кризис, обеспечение сотрудничества в миграционной сфере. Как результат, решение проблем по каждому направлению позволит гармонизировать политику Турции в долгосрочной перспективе, позволит укрепить роль государства как одного из ключевых региональных акторов и позволит повысить совокупную эффективность в осуществлении внешнеполитической деятельности.

7. Перспективы реализации внешнеполитической деятельности Турции, с нашей точки зрения, могут быть связаны с такими факторами:

1) Успешная интеграция дипломатического ведения внешней политики в совокупный внешнеполитический инструментарий Турции, что позволит укрепить имидж государства как открытой для международной общественности, дружелюбной и заинтересованной в мире, продвижении демократических ценностей стране;

2) Способность обеспечить качественный переход от элементов жесткой силы к элементам дипломатии, а также способность фактически продемонстрировать международному сообществу, что Турция может проводить самостоятельную политику с учетом геополитической обстановки, но без оглядки на позицию США или государств ЕС, что позволит сформировать и укрепить имидж Турции как стойкого к политическим

нападкам государства, заинтересованного в реализации своих собственных внешнеполитических и глобальных международных целей;

3) Способность объединить вокруг себя государства региона и международное сообщество перед лицом глобальных вызовов и угроз – главным образом, пандемией коронавируса, не допустив при этом политизацию процесса противодействия данной пандемии – данный принцип может быть связан с условной «коронавирусной дипломатией», не допускающей политизации таких вопросов как производство, распространение вакцины, оказание гуманитарной помощи, оказание помощи третьим странам в поставках медицинского оборудования, расходных материалов, работе специалистов из области здравоохранения, модернизации и строительстве вспомогательной инфраструктуры в области здравоохранения. Указанный подход позволит укрепить роль Турции как государства, способного провести четкую границу между национальными интересами, важностью оказания противодействия глобальным вызовам и угрозам без политических предрассудков, в интересах общества. Схожий подход может использоваться и в отношениях с США и ЕС, РФ в контексте противодействия международному терроризму, экстремизму, сотрудничеству в сфере экологии, изменения климата, сотрудничеству в рамках ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ, а также в рамках взаимодействия в Сирии, Ираке, Ливии для разрешения региональных конфликтов и т.п.

Полагаем, что успешная реализация данных подходов позволит гармонизировать внешнеполитическую деятельность Турции и будет способствовать укреплению восприятия Турции как самостоятельного государства, прямо заинтересованного в обеспечении безопасности на региональном и глобальном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники:

Нормативно-правовые документы

1. Указ Президента РФ № 583 от 28 ноября 2015 г. «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» // [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40335> (дата обращения: 10.02.2021)

2. Указ Президента Российской Федерации от 25.07.2019 № 357 «Об отмене некоторых специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» // [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907250025?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 10.02.2021)

3. Agreement creating an association between the European Economic Community and Turkey 12 September 1963. // [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:f8e2f9f4-75c8-4f62-ae3f-b86ca5842eee.0008.02/DOC_2&format=PDF (дата обращения: 01.02.2021)

4. Agreement between the European Union and the Republic of Turkey on the readmission of persons residing without authorisation of 16 December 2013. // [Электронный ресурс] URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0507\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0507(01)&from=EN) (дата обращения: 01.02.2021)

5. Decision No 1/95 of the EC-Turkey Association Council of 22 December 1995 on implementing the final phase of the Customs Union // [Электронный ресурс] URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21996D0213\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:21996D0213(01)&from=EN) (дата обращения: 01.02.2021)

6. Hedef 2023 Adalet ve Kalkınma Partisi // [Электронный ресурс] URL: <https://www.akparti.org.tr/hedef-2023/> (дата обращения: 12.01.2021)

7. P.L. 115-44 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Sec. 231, August 2, 2017. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/housebill/3364/text> (дата обращения: 27.01.2021)

8. Treasury Sanctions Turkish Officials with Leading Roles in Unjust Detention of U.S. Pastor Andrew Brunson. U.S. Department of the Treasury, 01.06.2018. // [Электронный ресурс] URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm453> (дата обращения: 15.01.2021)

9. Turkey's Strategic Vision 2023 Project // [Электронный ресурс] URL: <http://www.tsv2023.org/index.php/en/> (дата обращения: 12.01.2021)

10. Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. 13.07.2010. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf> (дата обращения: 04.01.2021)

11. Dışişleri Bakanlığı Diplomatik Kariyer Memurlarının Görevde Yükselme Usul ve Esasları Hakkında Yönetmelik 7.07.2010. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/Mevzuat/5-kariyer.pdf> (дата обращения: 04.01.2021)

12. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/IcSite/illeridaresi/Mevzuat/Kanunlar/Anayasa.pdf> (дата обращения: 05.01.2021)

II. Литература:

Монографии, исследования

13. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.04. – М., 2020. – 387 с.

14. Еремеев Д. Е. История турецкой общественной мысли XI- XXI веков. – М.: Квадрига, 2016. – 320 с.

15. Зиганшин М.К. Россия-Турция: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству (2001-2006 гг.). – Бишкек: Ош КРСУ, 2009. – 206 с.
16. Современная Турция: тренды развития и значение для России. / Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской, С.В. Уткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 54 с.
17. Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1991. – 340 с.
18. Углубление российско-турецких отношений: Доклад / А.В. Кортунов, Э. Эршен. под ред. И.С. Иванова – М.: РСМД, 2018. – 132 с.
19. Davutoglu A. The Strategic Depth. – Arab Scientific Publishers, 2010. – 648 p.
20. Kirisci K. Turkey and the West: Faultlines in a Troubled Alliance. – Washington: Brookings Institution Press, 2017. – 320 p.
21. Perinçek D. FETÖ Darbesi. Kökleri Yükselişi Ezilmesi ve Sonuçları. – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2016. – 208 p.

Статьи

22. Абрамян А.С. Политика популизма Эрдогана – вызов в Нагорном Карабахе? // Постсоветский материк. – 2020. – № 3. – С. 42-63.
23. Аватков В.А. Внешнеполитическая идеология Турции: текущие тенденции и перспективы развития // в кн.: Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. / Под. ред. В.А. Аваткова, С.Б. Дружиловского, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 11-17.
24. Аватков В., Солодовникова А. Сценарии и тренды развития российско-турецких отношений // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 6. – С. 115-124.
25. Бгуашева А.А. Турецко-американские отношения (2009 – 2019 гг.) // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 2. – С. 64-69.

26. Бобкин Н.Н. Кризис стратегического партнерства США и Турции: от недоверия к противостоянию // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2018. – № 7. С. 39-40.

27. Бостанов М.Э. Современная внешняя политика Турции в условиях глобализации // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – 275-277.

28. Васецова Е.С. Курдский вопрос в контексте урегулирования Сирийского конфликта // Вестник Московского университета. – 2019. – № 4. – С. 27-40.

29. Вертяев К.В. Исламский фактор в политической жизни Турции // в кн.: Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. / Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорова. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 440 с.

30. Геворгян А.Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте Сирийского кризиса // Вестник РУДН. – 2019. – № 4. – С. 615-624.

31. Демирель Н. Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира // Известия Саратовского университета. – 2020. – № 2. – С. 236-241.

32. Дружинин А.Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 4. – С. 5-14.

33. Исаков А.С. Агональный характер мягкой силы современной Турции // Дискурс-Пи. – 2017. – № 4. – С. 142-149.

34. Корочкина В.А. Исламский фактор в отношениях между Турцией, Палестиной и Израилем // Труды Института востоковедения РАН. – 2019. – № 20. – С. 222-237.

35. Косов Г.В., Шангараев Р.Н. Пересечение стратегических интересов России и Турции на постсоветском пространстве // Современная наука и инновации. – 2020. – № 3. – С. 148-155.

36. Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2013. – № 2. – С. 84-92.
37. Наумкин В. Сирия – не помеха дружбе России и Турции. // *Вести Кавказа*. 28 ноября 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Vitaliy-Naumkin-Siriya-ne-pomekha-druzhbe-Rossii-s-Turistii.html> (дата обращения: 16.01.2021)
38. Павельева Ж.А. Фактор "мягкой силы" в российско-турецких отношениях на современном этапе // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. – 2019. – № 12. – С. 363-366.
39. Панин В.Н., Паниев Г.Э. Геополитические ориентиры Турции в начале XXI века // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2002. – № 1. – С. 86-88.
40. Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // *Вестник МГИМО Университета*. – 2019. – № 4. – С. 130-144.
41. Сейфеттин М. Турецко-американские отношения: от стратегического партнерства к стратегической вражде // *ANKASAM*. 30 июля 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ankasam.org/ru/турецко-американские-отношения-от-ст/> (дата обращения: 06.02.2021)
42. Сулейманов А. Центры стратегических исследований внешней политики Турции // *Россия и мусульманский мир*. – 2011. – № 6. – С. 116-123.
43. Тимофеев П.П. Влияние миграционного кризиса в ЕС на отношения ЕС и Турции (2015-2016 гг.) // *Вестник МГИМО Университета*. – 2016. – № 2. – С. 62-71.
44. Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений) // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. – 2017. – № 9. – С. 137-142.
45. Шумилин А.И. Евросоюз-Турция: конфликтное партнёрство // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. – 2020. – № 5. – С. 7-15.

46. Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 110-135.

47. Ягья В.С., Соломина Д.В. Отношения России и Турции в XXI веке: тенденции и трудности // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – № 1. – С. 127-139.

48. Aktaş K. Suriye ve Irak Örnekleri Üzerinden Türkiye-İran İlişkileri: İş Birliği mi Rekabet mi? // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – 2018. № 1. – P. 163-184.

49. Çakır O.D., Chasnouski M.E. Turkey in NATO: an extraordinary position // Журнал Белорусского государственного университета. -2020. – № 2. – С. 62-70.

50. Davutoglu A. Turkey's Zero-Problems. // Foreign Policy. 20.05.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/05/20/turkeys-zero-problems-foreign-policy/> (дата обращения: 11.01.2021).

51. Demirtaş S. Turkish foreign policy in 2020 and prospects for 2021 // Daily News. December 28, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/opinion/serkan-demirtas/turkish-foreign-policy-in-2020-and-prospects-for-2021-161194> (дата обращения: 09.05.2021)

52. Dursun-Özkanca O. Conclusion: Turkey and the West – What Next? // In book: Turkey–West Relations: The Politics of Intra-alliance Opposition – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – P. 147-173.

53. Edison M. Turkey Formally Requests Extradition of Cleric Gulen from US // ABC News, 13.09.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://abcnews.go.com/International/turkey-formally-requests-extraditioncleric-gulen-us/story?id=42052108> (дата обращения: 15.01.2021)

54. Jones D. Turkey's Erdogan Vows Not to Bow to US Threats // VOA. July 29, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.voanews.com/europe/turkeys-erdogan-vows-not-bow-us-threats> (дата обращения: 07.02.2021)

55. Hodges D. Policy Roundtable: The Future of Turkey's Foreign Policy // TNSR. October 24, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://tnsr.org/roundtable/policy-roundtable-the-future-of-turkeys-foreign-policy/> (дата обращения: 08.05.2021)

56. Kassimeris C. Turkey's foreign policy options: Europe, the USA or Central Asia? // Cotemporary politics. – 2010. – Vol. 16. – Iss. 3. – P. 321-336.

57. Khan B. Turkish Government Invites Bids for F-35 System Integration Contract. // Quwa Defense News and Analysis Group, 10.01.2018. // [Электронный ресурс] URL: <https://quwa.org/2018/01/10/turkish-government-invites-bids-for-f-35-systemintegration-contract/> (дата обращения: 27.01.2021)

58. Fiorenza N. Turkey leads NATO VJTF in 2021 // Janes. 6 January 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/turkey-leads-nato-vjtf-in-2021> (дата обращения: 30.01.2021)

59. Macias A. U.S. sanctions Turkey over purchase of Russian S-400 missile system // CNBS. December 14, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cnbc.com/2020/12/14/us-sanctions-turkey-over-russian-s400.html> (дата обращения: 09.05.2021)

60. Majidiyar A. Rouhani, Erdogan pledge cooperation, but mutual distrust remains // Middle East Institute. 8.02.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mei.edu/content/io/rouhanierdogan-pledge-cooperation-mutual-distrust-remains> (дата обращения: 11.02.2021)

61. Müftüler-Baç, M. Turkey's Ambivalent Relationship with the European Union: To Accede or not to Accede // Uluslararası İlişkiler. – 2016. – Vol. 13. – Iss. 52. – P. 89-103.

62. Pitel L. What is behind Erdogan's coronavirus diplomacy? // Financial Times. April 30, 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/8602c2da-f1d0-4a78-b848-4c8bf8b9e311> (дата обращения: 08.05.2021)

63. Soler i Lecha E. EU-Turkey relations. Mapping landmines and exploring alternative pathways // FEPS Policy Paper, September 2019. [Электронный

ресурс] URL: https://www.feps-europe.eu/attachments/publications/feps_eu_turkey_relations_soler.pdf (дата обращения: 09.02.2021)

64. Խաչատրյան Ա.Գ. Չին-թուրքական հարաբերությունները տրանսֆորմացիոն շրջանում "նյդնրական հարցի" չեզոքացումը (20-րդ դարի վերջ-21-րդ դարի սկիզբ) (Хачатрян А.Г. Период трансформации китайско-турецких отношений и нейтрализация «уйгурского вопроса» конец 20 века – начало 21 века) // Регион и мир. – 2020. – № 4. – С. 32-38.

III. Интернет-ресурсы:

65. В Турции разрабатывают инновационную вакцину от COVID-19 // Агентство Анадолу. 25.01.2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/ru/коронавирус/в-турции-разрабатывают-инновационную-вакцину-от-covid-19/2121800> (дата обращения: 12.01.2021)

66. Иран и Турция: региональные проблемы и консультации в Тегеране // Pars Today. 08.02.2018. [Электронный ресурс] URL: https://parstoday.com/ru/news/middle_east-i83219 (дата обращения: 11.02.2021)

67. Итоги саммита ЕС-Турция в болгарской Варне // МК Турция. 27 марта 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2018/03/27/itogi-sammita-es-turciya.html> (дата обращения: 03.01.2021).

68. Лавров: Инцидент с самолетом не отразится на отношениях РФ с Турцией // Российская газета. 14.10.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/10/14/lavrov-anons.html> (дата обращения: 16.01.2021) Турция меняет Конституцию: итоги референдума // РБК. 16 апреля 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2017/58f3875c9a79473b9a237502> (дата обращения: 04.01.2021)

69. Россия ответила Турции за сбитый самолет экономическими мерами // ТАСС. 1 декабря 2015. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/2489793> (дата обращения: 10.02.2021)

70. Cumhurbaşkanlığı Seçimleri ve Genel Seçimler Seçim Beyannamesi 2018 // [Электронный ресурс] URL: https://www.trthaber.com/pdf/Beyanname23Mays18_icSayfalar.pdf (дата обращения: 06.01.2021)

71. Deniz Feneri Derneği. Yüzyılın İyilik Hareketi. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.denizfeneri.org.tr/faaliyetler/> (дата обращения: 13.01.2021)

72. Dr Rouhani in a phone call with his Turkish counterpart: Iran-Turkey ties should be promoted to strategic level in all fields/Faster implementation of using national currency in business transactions // [Электронный ресурс] URL: <http://www.president.ir/en/102822> (дата обращения: 11.02.2021)

73. Erdogan, Trump emphasize importance of Manbij roadmap: Turkish presidency. // Reuters, July 16, 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-us-manbij/erdogan-trump-emphasize-importance-of-manbij-roadmap-turkish-presidency-idUSKBN1K61EV> (дата обращения: 28.01.2021)

74. Erdogan attends NATO summit in Brussels // TRTWorld. 11 July 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.trtworld.com/turkey/erdogan-attends-nato-summit-in-brussels-18840> (дата обращения: 30.01.2021)

75. EU's relationship with Turkey has reached «watershed moment» says foreign policy chief Borrell. // Intelli News. September 15, 2020. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.intellinews.com/eu-s-relationship-with-turkey-has-reached-watershed-moment-saysforeign-policy-chief-borrell-191990/> (дата обращения: 03.01.2021).

76. Home away from home: Recep Tayyip Erdogan in Sarajevo // Deutsche Welle. May 19, 2018. [Электронный ресурс] URL:

<https://www.dw.com/en/home-away-from-home-recep-tayyip-erdogan-in-sarajevo/a-43855519> (дата обращения: 09.02.2021)

77. "Kırmızı Kitap" olarak anılan Milli Güvenlik Siyaset Belgesi yenilendi: 'Suriye'nin kuzeyinden gelen tehdit' vurgulandı // Haberler. 02.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haberler.com/milli-guvenlik-siyaset-belgesi-yenilendi-suriye-12485642-haberi/> (дата обращения: 09.01.2021).

78. Kimse Yok Mu Derneği'nin yardım toplama yetkisi kaldırıldı. Hürriyet Gündem Haberleri. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/kimse-yok-mu-derneginin-yardim-toplama-yetkisikaldirildi-27314395> (дата обращения: 13.01.2021)

79. Remarks by President Charles Michel after the video conference of the members of the European Council on 29 October 2020. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/30/remarks-bypresident-charles-michel-after-the-video-conference-of-the-members-of-the-european-council-on-29-october-2020/> (дата обращения: 03.02.2021).

80. Sebastian Kurz: „Wir würden Erdogans Einmischungen keinesfalls akzeptieren“ // Welt. 20.08.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus167824072/Wir-wuerden-Erdogans-Einmischungen-keinesfalls-akzeptieren.html> (дата обращения: 10.02.2021)

81. Turkey takes charge of NATO high readiness force // NATO. 1 January 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 30.01.2021)

82. Turkey Prepares for More Roles in NATO // Atlantic Council. July 11, 2018. [Электронный ресурс] URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/turkey-prepares-for-more-roles-in-nato> (дата обращения: 31.01.2021)

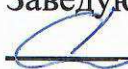

83. Turkey Not Interested in US' Iran Sanctions // Financial Tribune. 10.08.2018 [Электронный ресурс] URL:

<https://financialtribune.com/articles/national/91530/turkey-not-interested-in-us-iransanctions> (дата обращения: 11.02.2021)

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 Т.Ю. Сидорова
подпись   инициалы, фамилия
«28» 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

Внешняя политика Турции в современный период

Руководитель

 А.А. Павельева
подпись, дата

доцент, к.ю.н
должность, ученая степень

Э.А. Павельева
инициалы, фамилия

Выпускник

24.05.21
подпись, дата

Э.В. Маркарян
инициалы, фамилия

Красноярск 2021